

МУХАММЕД АЛИ-АЛ-ХУСЕЙНИ

МЕРВСКАЯ БИТВА

ДЖЕНГ-Е-МЕРВ

ВВЕДЕНИЕ

Накануне присоединения к России туркменский народ переживал один из самых трудных периодов своей многовековой истории. Часть туркмен находилась в зависимости от Ирана, другая часть входила в состав Хивинского ханства, третья — в состав Бухарского эмирата. Судьба туркмен была полностью подчинена деспотическому режиму, господствовавшему почти во всех восточных странах. Территория же так называемой «Вольной Туркмении», куда входили прикаспийские районы, предгорные оазисы — Ахал и Атек, бассейны рек Теджен и Мургаб, — служила объектом притязаний феодальных правителей Ирана. Бухары и Хивы, подвергаясь с их стороны постоянным грабительским набегам.

В середине XIX в. наиболее опасным соседом Туркмении было Хивинское ханство. В 1841 г. хивинский хан Рахим-Кули-хан подчинил Мервский оазис. Однако власть его была непрочной и носила почти номинальный характер, хотя хивинские хроники наполнены повествованием о постоянных походах хивинских ханов против текинцев и других туркменских племен. Тем не менее эта призрачная зависимость использовалась хивинскими ханами, стремившимися к господству над Туркменией.

Другим государством, добивающимся утверждения своего влияния в Туркмении, был Иран. Грабительские походы Недир-шаха остались на долгое время в памяти туркмен.

Персидские завоеватели и позже неоднократно пытались покорить Туркмению. Но военная репутация персидских военачальников была резко подорвана после разгрома марыйскими текинцами большого персидского войска в 1861 г. Трофеи в виде персидских пушек еще долго украшали Мерв и считались народным достоянием туркмен мервского оазиса.

Что касается Афганистана, то это государство в период русских военных экспедиций в глубь Туркмении было охвачено борьбой за независимость против английского колониального господства, хотя, впрочем, и афганский эмир иногда выступал в качестве претендента на туркменские земли.

Туркменские старшины упорно старались сохранить самостоятельность отдельных туркменских родов. Многие из них надеялись на иллюзорную помощь из-за рубежа, главным образом со стороны Англии. В самой же

Англии неоднократно поднимался шум о страшной опасности, будто бы грозившей британским владениям [4] в Индии со стороны России. Но это в сущности было своего рода дымовой завесой, прикрывавшей агрессивные действия Англии в Афганистане и вместе с тем маскировавшей ее агрессивный, иные замыслы по отношению к Средней Азии.

Присоединившись к России, туркмены сделали правильный выбор. Ныне бурными темпами растут экономика и культура Туркменистана, развиваются взаимоотношения с соседними странами- Ираном и Афганистаном. [5]

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Переведенный и использованный в историческом аспекте источник «Дженг-е Мерв» впервые вводится в научный оборот. Он сопоставляется с другими материалами, повествующими о походе гаджарских войск в Мервский оазис, ходе сражений гаджарских войск с туркменами Мерва и роли туркменских племен, живущих в Серахсе, Пенждехе, Иолотани, поражении гаджарских войск под Мервом. В книге Мухаммед Али-ал-Хусейни «Дженг-е Мерв» 1 приводятся очень интересные сведения о походе персидских войск в сторону Мерва.

Материалы, относящиеся к этому периоду и освещающие социально-экономическое и политическое положение туркмен XIX в., немногочисленны. Наиболее ценным из них является книга Абду-с-Саттар казы «Книга о битвах текинцев» 2, переведенная на русский язык и имеющая героико-религиозную направленность.

В своей поэме автор воспел подвиги текинского племени во главе с двумя ханами: ахальским — Нурберды-ханом и мервским — Коушут-ханом как в междоусобной расправе с сарыками, так и в борьбе с персами на астрабадской границе и под Мервом. В первом случае соединенные силы ахальских и мервских текинцев изгнали из Мервского оазиса сарыков, во втором — ахальские текинцы вместе с иомудами помогли гокленам отразить карательную экспедицию астрабадского губернатора Джафар Кули-хана, в третьем — мервские текинцы отразили карательную экспедицию хорасанского губернатора Хамза Мирзы. Дата битвы при Кара-Кале, вставленная в поэму Абду-с-Саттара [6] казы Ходжали Муллои (1275 г. х. — 1858-1859 гг.), междоусобное столкновение теке и сарыков и поход Хамзы в Мерв в 1861 г. правильны.

В работе использован также дастан Дован-шахира «Битва туркмен и гаджаров» под редакцией А. Н. Самойловича. В настоящее время один экземпляр этого дастана хранится в рукописном фонде Института языка и литературы АН ТССР 3, второй — в Институте востоковедения в Ленинграде. А. Н. Самойлович упоминает о нем: «В моем собрании туркестанских рукописей имеется, как я уже упоминал, описание этого события в форме популярной повести со стихами, сочиненными неграмотным народным поэтом Дован-шахиром». 4 В поэме приводятся местные, мервско-текинские воспоминания о разгроме персов. Жители персидских поселений, пограничных с текинцами, попросили шаха избавить их от постоянных грабительских набегов туркмен. Насреддин-шах снарядил войско во главе с Хамза Мирза Хишмат-Дауле. Гаджарская армия заняла запустевшую крепость Порсу-кала. Автор описывает ход сражения гаджарских войск и их поражение от туркмен Мерва.

Книга написана в 1322 х. к. писарем Молласабыр сына Сухана. Об этом на последней странице дастана он пишет: «Ин китаб рузи джумга шод тамам Катиб (писер) Мулласабыр Сухан оглы Аманша Агырбаш обасындан 1322 х. к.» 5. Дастан Дован-шахира, хранящийся в рукописном фонде Института языка и литературы АН ТССР, переписан писарем Молла-сабыра Сухан оглы где-то в начале XX в. — намного позже, чем Мухаммед Али-ал-Хусейни написал «Дженг-е Мерв» 6.

О походе персидских войск писал в своих стихах поэт-мыслитель XIX в. Молланепес 7, воспевавший героизм туркменского народа в войне с иранцами. Будучи раненым в битве, он призывает все туркменские племена сплотиться против гаджарских войск.

Ценным материалом является «рассказ о туркменско-гаджарской войне» 8 Мухамметрахыма — сына поэта Молланепеса. Все события в рассказе освещены правдиво, хотя некоторые моменты о походе гаджарских войск в Мерв очень преувеличены. Отдельные моменты в рассказе не совпадают с другими материалами. Но, несмотря на это, автор рассказа обогащает [7] изучаемый раздел стихами о том, будто бы Эсен Джилев был у Насреддин-шаха и они обменялись мнениями с помощью стихов о том, что посол передает о поражении персидских войск под Мервом. В рассказе упоминаются имена влиятельных лиц, известных нам из других источников (Гулам Реза, Ага Хусейн, Абдул али, Дурды-хан, Омар Келхан, Бердынияз-хан, Уста Батыр и Др.) 4. Записан этот рассказ от Беркелиева Худай-берды ага из к-за «Социализм» Мургабского района Марыйской области.

Ценным материалом являются записки француза Гулибеф де Блоквиля «Четырнадцатимесячный плен у туркменцев» 9. Принимая участие в походе в качестве придворного фотографа, он попал в текинский плен и описал впоследствии свои злоключения в журнале «Всемирный путешественник»: «Я оставался в руках туркменского племени конгур, именно в двух милях к северу от текеевских укреплений» 10. В записках встречаются материалы по этнографии, культуре и политическому положению туркмен того времени. Очевидец упоминает много имен туркменских и персидских влиятельных лиц, пишет о своем выкупе: «Выкуп мой обошелся в 1867 туманов (приблизительно 87524 франка), кроме того, персияне обязались возратить по прибытии моем в Серахс пять человек из находившихся у них в плену туркмен..., 6 декабря 1861 г., после четырнадцатимесячного плена, наконец я был освобожден!» 11 В своих воспоминаниях Блоквил также описывает тактику туркменских добровольцев во время сражения с гаджарами и т. д.

Заслуживает внимания книга А. Вамбери «Путешествие по Средней Азии» 12. Автор упоминает административно-географическое, племенное деление и политическое положение Южного Туркменистана в XIX в. Будучи английским агентом, Вамбери описывает туркмено-хивинские и ирано-туркменские отношения, частично — поход гаджарских войск в Мервский оазис.

Обзор Закаспийской области с 1782 по 1890 г. 13 дает нам очень интересные сведения о жизни, быте, культуре и политическом положении туркмен во второй половине XIX в., а также ценные материалы по этнографии и географическом положении туркмен.

В книге А. Быкова «Теке Мерва» 14 приводятся интересные факты о туркменских институтах и [8] административных делениях теке Мерва, материалы о хозяйстве, расселении и переселении туркменских племен.

Книга Н. И. Гродекова «Война в Туркмении» 15 в 4-х томах занимает достойное место в изучении истории туркмен и Туркмении. В ней освещаются их политическое положение, социально-экономические отношения. Н. И. Гродеков участвовал в войне России против туркмен в 1881 г. Имея чин генерала, он с высоты своего положения и интересов описывал все происходившие в то время события. В книге есть портреты некоторых влиятельных лиц среди текинцев Ахала, как Дыкма-сердар, Махтумкули-хан и др. Кроме того, автор пишет о походе Джафар Кули-хана в Кара-Калу и о поражении персидских войск в 1858 г., о карательной экспедиции гаджарских войск против туркмен-текинцев, проживавших в Мервском оазисе в 1866 г. и т. д.

В. А. Туган-Барановский в книге «Русские в Ахале» 16 описывает поход царских войск в Туркмению в 1881 г., освещает этнографию туркменских племен и т.д.

В работе использованы также материалы из книги Мак-Грегора «Хорасан», где автор описывает «Путешествие по северо-восточным провинциям Персии» 17, рассматривает современные ему события субъективно, поэтому его суждения заслуживают критичности. В книге упоминается о персидско-афганских отношениях, о гератской войне и роли Англии в ней. Об интересующем нас походе персидских войск, в частности о поражении серахской армии под Мервом, упоминается только один раз — в выводах автора о причинах поражения гаджаров. В заключение он говорит, что «если бы можно было собрать достаточный отряд под начальством способного предводителя, то Мерв-текинцы должны были бы покориться» 18. Мак-Грегор искажает истинный характер войны, защищая захватническую политику Иранского государства.

Один из английских агентов — Перси Сайкс — написал книгу «История Ирана» 19. В небольшом разделе «Иранские войны против туркмен 1857-1861 гг.» он дает очень интересные сведения о походе Ирана в 1857 г. В 1861 г. Султан Мурад-Мирза и генерал-губернатор Хорасана пригласили 80 руководящих туркмен на совещание в Мешхед, где они были схвачены и заключены в тюрьму. «Ослабив таким путем, [9] «похититель людей», иранский генерал-губернатор двинулся на Мерв, который и занял в результате победы» 20. Эти сведения в достоверных параллельных источниках 21 встречаются редко. В книге Перси Сайкса затрагиваются также вопросы гератской войны.

Нами использованы материалы ЦГВИА 22 Москвы, содержащие сведения о состоянии иранских войск во второй половине XIX в., интересные сообщения о том, что служба в армии была за деньги, по возрасту персидских солдат: рядом с 60-летними стариками встречаются 16-летние юноши. Кроме того, мы находим данные об артиллерии гаджарских войск, а также множество материалов об ирано-туркменских отношениях в XIX в.

Имеются интересные сведения в книге Я. Таирова «Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области:» 23. В работе использованы также материалы о расселении туркменских племен Мервского оазиса после междуплеменных раздоров, о туркменских племенных коленах.

Книга В. В. Бартольда «Очерк истории туркменского народа» 24 является ценным материалом по истории Южного Туркменистана. Автор описывает отпор туркменских племен хивинской и персидской карательным экспедициям с целью захвата Туркмении. Интересны факты о том, что после победы туркмен во главе с Коушут-ханом в 1860 г. над персами пятая часть добычи была отправлена хивинскому хану 25. Кроме того, автор пишет о междуплеменных раздорах, о походе Медеммин-хана в Серахс и т. д.

По этнографии туркменских племен интересные данные содержат книги Г. И. Карпова «Историческое прошлое туркмен» 26 и Л. Курбанова, Г. И. Карпова «Прошлое и настоящее туркменского народа» 27, в которых подробно описывается история туркмен с XIII-XIX вв., переселение туркменских племен, их территориальное деление по коленам, приводятся этнографические материалы, собранные в туркменских аулах.

Интересна этнографическая работа Г. И. Карпова «Рассказ текинцев об истории своего племени», описывающая поход гаджарских войск в Мерв в 1861 г. по рассказам туркменских старшин. Обнаружены ценные данные о том, что «Коушут-хан, кроме того, попросил помощь из Ахала и готовился к борьбе с сербазами» 28. [10]

В книге использованы также «Материалы по истории туркмен и Туркмении» 29, приводятся исследования хивинских, арабских и персидских хроников Агеи, Мунши и др. Истории изучаемого периода посвящается раздел, связанный с походом иранских войск в Мерв (с. 601) и другими войнами с целью захвата Мервского оазиса. Кроме того, содержатся сведения по истории расселения и переселения туркменских племен, о земледелии, скотоводстве, а также по истории хивинских ханов и иранских шахов.

Заслуживает внимания книга А. Алиханова «В гостях у шаха» 30. Автор описывает состояние персидских войск, поход иранской армии в Мерв. Однако описываемые события носят визуальный характер. Отсюда недостоверность некоторых событий. Например, «Армия шаха, выступив из Серахса под начальством принца Султан Мурад-Мирзы в составе более 20 тыс. регулярной пехоты с 34 орудиями и с многочисленной регулярной конницей, подошла к левому берегу Мургаба и остановилась против существовавшей тогда крепости сарыков Порсу-кала» 31. Здесь следует отметить, что, во-первых, гаджарских войск не было в Серахсе, во-вторых, автор неправильно указывает имя военачальника. Он путает поход Султан Мурад-Мирзы в 1857 г. с походом Хамза Мирзы Хишмат-Дауле в 1860-1861 гг. в Мерв. Несмотря на это, А. Алиханов описывает ход событий 1860-1861 гг., указывая в книге на с. 229 — дату вышеуказанного события 32.

Из литературы советского периода использована «История Туркменской ССР» 33, где собраны ценные сведения о жизни туркменских племен во второй половине XIX в., имеются материалы о земледелии, скотоводстве, сведения о туркменских постах того времени, а также материалы политического положения XVII-

XIX вв. Книга помогает решить некоторые спорные вопросы политического и экономического положения изучаемого периода, в частности о походе гаджарских войск в Мервский оазис.

В книге академика М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России» 84 на основании обширных и разнообразных источников, неопубликованных документов государственных архивов, мемуаров современников событий и других материалов показано развитие экономических и политических связей между Россией [11] и Туркменией до 70-х гг. XIX в., присоединение Ахал-Текинского и Мервского (Марыйского) оазисов к составу России, рассказано о положении Закаспийской области в конце XIX в.

Монография Дж. Давлетова, А. Ильясова «Присоединение Туркмении к России» 85 раскрывает процесс присоединения Туркмении, к России, показывает особенности и характер этого процесса в отдельных районах, дает всесторонний анализ внутренней и внешнеполитической обстановки в Туркмении.

Присоединение Туркменистана к России — весьма сложный процесс, в котором переплелись политические интересы царской России, империалистической Англии и соседних с Туркменистаном феодальных деспотий, в особенности Ирана и Хивы, с классовой и межплеменной борьбой внутри туркменского общества. По ряду конкретных причин и обстоятельств процесс вхождения отдельных районов Туркменистана в состав России происходил далеко не одинаково: одни районы присоединились мирным путем, другие были завоеваны царскими войсками.

Книга М. Аннанепесова «Хозяйство туркмен в XVIII-XIX вв.» 36 представляет очерк экономической истории, социальных отношений и бытовых условий населения Туркменистана в XVIII-XIX вв. В нем исследуются проблемы расселения и причины миграции населения, проблемы развития земледелия, ирригации, скотоводства, ремесленного производства, торговли и аграрных отношений.

Большую ценность представляют «Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII-XIX вв» 37. В них описывается история ханов, правивших с VIII по XIX вв. на территории Туркменистана и в сопредельных странах. Кроме того, имеются интересные материалы о хозяйстве, расселении и переселении, о походе соседних ханов с целью завоевания Туркмении. Особое внимание обращено на политическое положение Туркмении в середине XIX в.

Монография А. Джикиева «Очерк этнической истории и формирование населения Южного Туркменистана» 38 освещает этнические процессы населения Южного Туркменистана, его этнокультурные связи с соседними народами, политическую историю в эпоху позднего средневековья. Книга [12] «Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России» 89 Ф. К. Максимовича посвящена расселению туркменских племен Закаспия, социально-экономическому и политическому строю закаспийских туркмен в первой половине XIX в. Автор приводит интересные факты о войне 1861 г. В сражении с иранскими войсками, вторгнувшимися в Марыйский оазис, вместе с мужчинами отважно бились и женщины-текинки, вооруженные дубинками (сурук). В книге есть интересные данные о политической обстановке во второй половине XIX в.

М. С. Иванов в книге «Очерки Ирана» 40 описывает историю Ирана с древнейших времен до сегодняшнего дня. Есть ценные материалы по истории иранских шахов, о внутреннем восстании иранского народа против шахской власти, о социально-экономическом положении, о войне Ирана с Афганистаном с целью завоевания Герата и роли Ирана в сопернической борьбе России и Англии за Среднюю Азию.

Советские и зарубежные историки уделяли значительное внимание политическому и социально-экономическому положению Средней Азии и Ирана в XIX в. Однако еще многие вопросы этой интересной проблемы остаются открытыми. Спорным остается вопрос о прибытии в Мерв помощи из Ахала во главе с Нурберды-ханом в войне против гаджаров в середине XIX в. В Советской и зарубежной историографии слабо освещен вопрос о походе гаджарских войск в Мерв. Благодаря книге Сеид Мухаммед Али-ал-Хусейни «Дженге Мерв» (Мервская битва) можно дать детальный анализ событий изучаемого периода.

ГЛАВА I

ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Административно-географическое положение

Большую часть Туркмении занимает пустыня Кара-кум — одна из самых бесплодных в мире. Только отдельные колодцы и водяные ямы оживляли в то [13] время безлюдные ее просторы, давая возможность караванам передвигаться. Наиболее населенные земли Туркмении располагались вдоль северного подножия Копетдага (Ахальский оазис и Атек), по долинам Теджена (Тедженский и Серахский оазисы) и Мургаба (Мервский, Иолотанский и Пендинский оазисы), а также по среднему и нижнему течению Амударьи 1.

В XIX в. Туркменистан представлял собой отсталую страну, находившуюся в состоянии экономической разобщенности и политической раздробленности.

Мервский оазис на протяжении нескольких веков был ареной непрерывной политической борьбы между хивинскими и бухарскими феодалами и иранскими шахами. Борьба за захват территории, за порабощение населения сопровождалась разрушением хозяйственных сооружений, гибелью посевов, потерей людских ресурсов.

Политика, проводившаяся соседними государствами, не давала возможности политического единства между туркменскими племенами, а местные феодалы в целях расширения своих владений разжигали родоплеменную вражду.

В 1855-1857 гг. мургабские текинцы под руководством Коушут-хана объединились с ахалскими, во главе которых стоял Нурберды-хан, и полностью вытеснили сарыков из Мерва 2. Затем на этой территории они построили Коушут-Бентскую плотину, направив воды Мургаба по двум магистральным каналам: Тохтамышскому и Отамышскому, разветвляющимся в свою очередь на более мелкие арыки 3.

Сарыки, вытесненные из Мары, перекочевали к югу, потеснив в свою очередь салыров Иолотанского оазиса в сторону Серахса 4. Построив на территории Иолотанского оазиса плотину Бенд-и-Карыклы, они занялись земледелием. В 80-х гг. сарыки занимали местность к югу от Мары по Мургабу, в районе Иолотани и Пенде 5.

В 1880 г. разрозненные группы салыров, жившие в Мургабском оазисе, в Зурабаде и других местностях Ирана, объединились по инициативе их крупного феодала Теке-хана 6 и окончательно поселились в Серахском оазисе. Среди текинцев жили бурказы, муджеверы и другие мелкие самостоятельные племена 7.

Каждая туркменская группа занимала определенную [14] территорию, образуя аулы» в которые входило несколько родовых общин. Во всех этих районах были сравнительно лучшие, чем в прикаспийских, условия для земледелия, поскольку здесь была вода. В донесениях царских военных властей особо отмечались большой труд, прилагаемый населением к обработке земли», поля сжатого хлеба, обширные бахчи, сады при домах. Особенно большое значение имели коневодство и овцеводство. Шкурки каракульских овец высоко ценились и экспортировались.

Освоение новых земель, создание и поддержание ирригационной сети в условиях крайне низкого уровня развития производительных сил требовали большого коллективного труда, что явилось одной из основных причин сохранения у туркмен общинных институтов и таких родоплеменных делений, как «уруг», «тайпа». Сохранению общинных организаций способствовала и сложная внешнеполитическая обстановка, а также позиция местных феодалов, стремившихся закрепить родоплеменные пережитки. Однако это еще не дает основания утверждать, как это делают буржуазные историки, что туркменское общество XIX в. было бесклассовым.

При первоначальном занятии Иолотанского оазиса сарыки состояли из пяти родов: сухты, герзеки (херзеки), алаша, хорасанлы и байрач. Их расположение было обусловлено географическим положением оазиса и тем обстоятельством, что главная магистраль, проходящая почти посередине всех земель, разделяла его на восточную и западную части. Граница восточной части проходила от плотины Козыхлы-Бент (Газыклы-Бент), между главной магистралью и Мургабом, вниз до Мервского оазиса, а западной — от плотины, или от Токханы, между главной магистралью и песками, вниз до Мервского оазиса. Восточную часть заселяли герзеки и сухты, а западную — алаша, хорасанлы и байрач.

На территории Мервского оазиса жили текинцы: племя тохтамыш (роды бек и векиль) расположилось на правом берегу Мургаба, а отамыш (бахши и сычмаз) — на левом. Роды бахши и бек заселяли территории,

прилегающие к берегам Мургаба, а роды сычмаз и векиль — степные стороны оазиса. Благодаря такому распределению земель роды бахши и бек [15] занимались земледелием, в то время как роды сычмаз и векиль жили очень тревожно, постоянно ожидая нашествия извне.

В Мервском оазисе имелось 24 канала (яб), соответственно чему все население делилось на 24 административные единицы (число, традиционное для туркмен). Все наряды, трудовые и военные повинности, всякого рода сборы или распределения производились в соответствии с этими единицами. На долю каждого из родов приходилось по 6 административных единиц. При этом крупные родовые колена иногда делились на две единицы или составляли одну самостоятельную. С другой стороны, были единицы, состоящие из нескольких мелких родовых групп. Однако все эти административные единицы не выходили за пределы крупных родовых групп, которые одновременно являлись и избирательными. Следовательно, все четыре рода текинцев делились на шесть избирательных групп 8. Каждая из них избирала по одному представителю, входившему в состав высшего органа управления мервских текинцев — «Мервского совета», то есть генгеш. Однако в зависимости от вопроса, который подлежал разрешению, в совет выбирались новые лица каждой избирательной группы. Они выполняли только порученное им представительство, не имея никакого отношения к внутреннему самоуправлению избравшей их группы. Кроме того, в генгеш с правом совещательного голоса входили представители мусульманского духовенства, аксакалы, сердары и ханы.

Под оболочкой родоплеменных институтов уже давно происходила достаточно резкая классовая дифференциация, эксплуатация, углублялась и обострялась поляризация социальных сил. Классовая природа туркменского общества наглядно отразилась и в его организации. По структуре она была весьма несложной. Внутренняя жизнь аулов регулировалась аксакалами (яшули), которые, как правило, избирались из богатой и знатной среды. Аксакалы являлись официальными представителями своей общины в ее взаимоотношениях с соседями, а внутри ее выполняли в основном судебные функции. Для решения вопросов, касающихся всего рода или племени, созывались общеплеменные сходки — генгеш (в Мары), в которых кроме аксакалов и старшин принимали участие ханы, [16] сердары, духовенство. На сходках рассматривались общеплеменные дела, вопросы внутреннего порядка, принимались решения об оборонительных или наступательных действиях, избирались ханы и т. д. Наиболее влиятельные феодалы в зависимости от своих богатств, личных качеств, военных заслуг и занимаемого в обществе положения получали титулы хана, бека, сердара, аталыка и др., которыми они пользовались не только в своей общине, но и за ее пределами. Чаще всего тот же хан или сердар, даже если был молод, считался яшули и избирался старшиной общины. В таких случаях он обладал не только судебной и административной властью, но являлся также военным предводителем своей общины и дипломатическим ее представителем во взаимоотношениях с соседями.

До присоединения к России у туркмен были и общеплеменные ханы. Значительные изменения в социально-экономической основе туркменского общества, выразившиеся в дальнейшем развитии феодальных отношений, усиление в связи с этим классовой дифференциации и классовой борьбы, а также осложнение внешнеполитического положения вызвали необходимость создания в наиболее развитых районах Туркмении постоянной верховной власти в лице общеплеменного хана. Этим и объясняется появление на исторической арене таких военно-политических деятелей, как Нурберды-хан, Коушут-хан и др. «Вообще, каждый хан есть лицо выборное, сменяемое по желанию большинства, они решительно ничего не могут предпринять без совета старшин; в особенно же важных случаях собирается все отделение, а отдельные личности все могут делать, что им угодно», — упоминает А. Быков в книге «Теке-Мерва» о выборе ханов 9.

Неприязненные отношения между отдельными племенами, а подчас и отдельными родами одного племени зачастую переходили в открытые столкновения. Такое положение дел было на руку крупным ханам-землевладельцам, сердарам, поскольку позволяло им беспрепятственно эксплуатировать трудовое население. Вот почему они делали все возможное, чтобы сохранить свои веками освященные привилегии, не останавливаясь ради этого даже перед открытым переходом на сторону иноземных завоевателей 10.

Войска (ополчение). У туркменских племен не [17] было постоянного и правильно организованного войска. В случае нападения со стороны соседних феодалов по призыву ханов или по решению маслахата собиралось народное ополчение. Каждый здоровый мужчина в соответствии с требованием обычного права (адата) обязан был с оружием в руках конным или пешим явиться в условное место сбора, а затем следовать за своим ханом или сердаром, беспрекословно исполняя их приказания. В случае нападения опасного врага за оружие брались не только мужчины, но иногда даже женщины и подростки. Вооружение было неоднородное — от пистолета, капсульных ружей, кривых сабель до ножниц для стрижки овец, привязанных к концу длинной палки 11, что лишний раз подтверждало имущественное и сословное неравенство туркмен.

Поскольку жители оазисов должны были постоянно иметь при себе оружие, возрастала роль оружейников, выделявавших для населения в большом количестве сабли, пики, ружья и т. д. Все оружие было самодельным, за исключением захваченного у хивинцев и иранцев во время сражений. Туган-Барановский описывает вооружение туркмен: «Полное вооружение текинского воина состоит из ружья обыкновенного, куркового, азиатского, с приделанной к нему откидной рогатиной, служащей, когда это нужно, подставкой для ружья, одного или двух пистолетов, шашки персидского образца, кинжала и копья с крючком» 12. Так были вооружены почти все туркменские племена. Но несмотря на недостаточную организованность и плохое вооружение туркменские воины славились храбростью и умением владеть оружием, искусно маневрировать, стойко обороняться и стремительно наступать.

Духовенство. Вся внутренняя жизнь населения туркменских районов регулировалась неписанными законами адата и шариата (мусульманское право), составлявшими правовую основу общественной жизни и соответствовавшими её социально-экономической основе. Спорные дела между отдельными лицами и родами разрешались аксакалами обычно по адату, на основании шариата разбирались дела, касающиеся семьи, семейных отношений, брака, наследства и т. д. Казы, ишаны, муллы являлись управляющими шариата. Пользуясь отсталостью и невежеством простого народа, они стремились подчинить своему влиянию все стороны [18] личной и общественной жизни людей. В их руках было обучение детей, а также совершение обрядов связанных с рождением, смертью, браком, разводом, наследованием и т. д. Владея огромными участками земли, они обирали простой трудовой народ. Мусульманское духовенство туркмен играло глубоко реакционную роль, внушая людям догмы ислама, покорности и смирения, освещая и увековечивая консерватизм жизненного уклада.

Культура туркменского народа, несмотря на значительные успехи туркменской литературы, заметные сдвиги в области народного творчества, ремесленно-кустарного производства и строительства, в целом была очень отсталой. Причиной этому являлись низкий уровень социально-экономической жизни, пережитки

патриархально-родового строя, задерживавшие развитие производительных сил, отсутствие национальной письменности, крайне низкий уровень образования, которое к тому же носило чисто религиозный характер (светское образование в то время отсутствовало).

Социально-экономическое и политическое положение

В XIX в. в результате различных условий жизни каждое туркменское племя имело свои хозяйственные и бытовые особенности, поэтому социально-экономический строй этих племен нельзя назвать однородным во всех отношениях.

Мургабский оазис издревле славился своим плодородием и обилием водных ресурсов. Наиболее значительной из рек, орошающей оазис, является Мургаб, берущий свое начало в Афганистане, в хребте Сефид-Кух, на высоте около 2600 м над уровнем моря. Природные земли в низовьях Мургаба были в течение всей первой половины XIX в. объектом ожесточенной борьбы между Хивой, Ираном и Бухарой, а также между отдельными туркменскими племенами. На рубеже XVIII и XIX вв, салыры, ранее населявшие низовья Мургаба, были вытеснены оттуда сарыками и текинцами, пришедшими с берегов Амударьи в качестве союзников и вассалов эмира Бухарского. Впоследствии сарыки заняли в основном правобережье Мургаба и старый Мерв (на северной окраине современного города Байрам-Али), а текинцы — [19] левобережье реки, где наиболее важным населенным пунктом стал Кара-Яб (севернее современного города Мары). В результате длительной борьбы сарыки в конце 50-х гг. были вытеснены из Марыйского оазиса и сосредоточились в Иолотанском и Пендинском оазисах по среднему течению Мургаба, оттеснив в свою очередь ранее живших здесь салыров и часть эрсари. В низовьях Мургаба роль центра оазиса постепенно перешла к текинскому селению Мары, где в 70-х гг. была возведена огромная крепость Кошут-Хан-Кала.

В низовьях Теджена и в Серахском оазисе на протяжении нескольких десятков лет население неоднократно менялось. В Серахсе с начала XIX в. до 1832 г. жили салыры, затем текинцы, а с конца 50-х гг., после ухода текинцев на низовья Мургаба, — снова салыры. На Теджене преобладало текинское население, но иногда эти земли занимало племя алили (70-80 гг. XIX в.). Между Серахсом и низовьями Теджена находился большой аул племени ата.

Скотоводство. К концу первой половины XIX в. колодцы и каки 13 в Каракумах находились большей частью в руках родовой верхушки, владевшей обширными стадами, что ставило остальных чарвадаров в зависимое от них положение. При каждом стаде находились пастух (чопан) и его помощник (чолук). Последний выполнял в основном подсобную хозяйственную работу. Жизнь пастухов была чрезвычайно тяжелой. Их жилищем служили жалкие шалаши (чатма) или землянки; пастухи по несколько дней оставались под открытым небом, страдая летом от жары и жажды, а зимой — от дождей и морозов. Их жизни всегда грозила опасность нападений аламанщиков и хищных зверей.

Обширные пространства степей являлись хорошими пастбищами для скота, но недостаток воды вынуждал кочевников-скотоводов постоянно передвигаться со своими стадами в течение круглого года в поисках

пастбищ, богатых водой. Это в основном зависело от количества атмосферных осадков осенью, зимой, весной. Те скотоводы, которые оседали у колодцев с соленой водой, обычно на зиму и весну уходили на дождевые ямы с пресной водой. Зажиточные кочевники-скотоводы, предоставляя малоимущим хозяйствам право пользоваться колодцами, требовали, [20] чтобы они пасли и скот владельца колодца и, кроме того, производили ремонт колодцев и оказывали помощь владельцам в мелких работах по хозяйству.

Тяжелые времена наступали для бедняцких хозяйств в неблагоприятные годы, во время массового падежа скота: рядовые кочевники-скотоводы теряли 30-40 % животных. Снова подняться таким обедневшим хозяйствам было почти невозможно. Разорившиеся скотоводы вынуждены были переходить к земледелию или же идти внаймы на кабальных условиях к баям. Таким образом, падеж скота обуславливал переход отдельных туркменских групп к полуседлому образу жизни. Хивинские хронисты справедливо отмечают, что «отнять скот у туркмен хуже, чем лишить его жизни» 15. Вчерашний скотовод (чарвадар), кочевавший со своими стадами по степи, в результате все углублявшейся имущественной и социальной дифференциации превращался в землепашца (чомура).

Переход от кочевого скотоводства к оседлому земледелию протекал в весьма трудных условиях, так как приходилось производить большие затраты труда на создание ирригационной системы, что требовало коллективных усилий. Перейдя к земледелию, туркмены продолжали заниматься скотоводством, но уже не кочевым, а отгонным.

Обусловленный чисто экономическим фактором, происходил упадок скотоводческого хозяйства, процесс оседлости шел медленно. Поэтому даже такой густонаселенный оазис, как Марыйский, где во все возрастающих размерах велось поливное земледелие, являлся скотоводческим районом. А в Пендинском оазисе скотоводством занималось 75 % населения. В начале 80-х гг., по материалам администрации Закаспийской области, туркмены имели 1557 лошадей, 35 203 верблюда, 45 959 голов крупного и 640 226 мелкого рогатого скота 16. Богатейшие пастбища Марыйского и Пендинского оазисов обеспечивали развитие скотоводства. Так, например, в Пендинском оазисе к концу 80-х гг. насчитывалось свыше 300 000 голов овец и 3 тыс. верблюдов. По общему поголовью скота на первом месте (до присоединения к России) стоял, безусловно, Марыйский оазис, второе место занимал Красноводский район.

К началу 90-х гг., как об этом свидетельствуют [21] данные «Обзора Закаспийской области», скотоводство преобладало над земледелием.

Таким образом, в экономике всех туркменских племен XIX в. основой хозяйства являлось скотоводство. Скот издавна выступал в качестве меновой стоимости и служил мерилем ценности всех товаров. Он давал гораздо больше возможностей личного обогащения. Располагая средствами, скотоводы занимались ростовщичеством и извлекали немалые прибыли от сдачи в наем верблюдов торговцам, перевозившим товары из Хивы и Бухары в Мешхед и обратно.

В скотоводстве верблюды как рабочая сила играли большую роль; некоторые из них поднимали свыше 700 кг. В пустынных и полупустынных условиях они являлись единственными перевозчиками грузов, поэтому верблюдов разводили особенно охотно. Их шерсть давала скотоводу необходимые ткани, а из молока верблюдиц изготавливали чал, творог (сюзма), верблюжье мясо также являлось ценным пищевым продуктом. Немало монографий посвящено отношению туркмен к своему коню. Красота туркменского коня, сила, необыкновенная выносливость, ум, привязанность к своему хозяину всегда привлекали внимание. Сопредельные со Средней Азией страны, как Иран, Афганистан, на протяжении многих столетий в большом количестве вывозили туркменских лошадей, используя их в качестве племенных производителей.

Вполне естественно, что в таких условиях существования, когда скотоводы-туркмены систематически подвергались хищническим набегам, рост поголовья скота значительно сокращался. Однако, несмотря на это, кочевое скотоводство повсеместно продолжало оставаться основной отраслью экономики. В Ахальском, Марыйском, Тедженском, Пендинском оазисах, где население оседало более или менее устойчиво, скотоводство, уже отгонное, продолжало играть ведущую роль в хозяйстве населения.

Земледелие. В Южном Туркменистане основными формами земельной собственности были санашик и мюльк. Санашик — общинная собственность на землю и воду с периодическими переделами, мюльк — частное владение, близкое к частной собственности на землю и воду. Отдельные крупные мюльки являлись [22] типичными феодальными поместьями, но были и мелкие крестьянские мюльки.

Наиболее широкое распространение санашиковая форма землевладения имела накануне присоединения к России у текинцев Мервского оазиса. Текинцы вытеснив сарыков из Мары, поделили землю оазиса между собою следующим образом: все земли по правую сторону Мургаба получило колено тохтамыш, по левую сторону Мургаба — отамыш. В соответствии с количеством населения колено тохтамыш получило $\frac{3}{5}$, а отамыш — $\frac{2}{5}$ части всех водных ресурсов Мургаба [17]. С течением времени численность отамышцев возрастала и преимущество тохтамышцев при распределении оросительной воды служило причиной долготлетних распрей между текинцами Мургабского оазиса. В свою очередь земли тохтамыш были поделены между его основными родами — бек, векиль, а внутри их — между более мелкими родовыми группами. Такая же картина наблюдалась при распределении земель внутри рода отамыш. Земля делилась между родами поровну. Каждое родовое подразделение, представлявшее собой большей частью один аул, получало равный надел земли.

Мюльковое землевладение в изучаемый нами период в основном сосредоточивалось в центре Марыйского оазиса. Многие мюльки образовались путем пожалования земли иранскими губернаторами Хорасана туркменским ханам и сердарам в целях укрепления иранского влияния в Южном Туркменистане. Это более широко распространялось в Ахальском оазисе. Например, в 20-х гг. XIX в. дерегезский правитель Бегляр-хан подарил источник Гяуре текинским старшинам: Аим-беку Маммеддурды-бек оглы и Довлетмурад-беку Чарыбек оглы, а источники Геми — Хыдыр-беку Куш оглы и т. д. Во многих аулах Ахала существовал порядок землеводопользования, согласно которому отлучившийся из аула сохранял свое право на долю воды и земли. Благодаря этому обстоятельству некоторые лица владели землей и водой в нескольких аулах. Землю и воду получали также в виде вознаграждения текинские сердары (военачальники), которые несли определенные обязанности по защите аула от нападения иранцев, хивинцев или предводительствовавшими аламанам. [23]

Более-менее нормальные условия для развития земледелия на Мургабе возникли после строительства Коушут-Бентской плотины. Канун присоединения Мерва к России — 60-70-е гг. — можно считать периодом наибольшего подъема земледелия в оазисе. Однако, на первых порах здесь разводили в основном зерновые и бахчевые культуры 18. Нередко хлеб приходилось убирать наспех ввиду угрозы постоянных нападений соседних феодальных правителей. Помимо зерновых, в долине Мургаба выращивались масличные, бобовые и бахчевые культуры — кунжут, маш, дыни, арбузы и различные сорта тыквы. В отличие от средней Амударьи в Мерве, по-видимому, всегда преобладала пшеница; джугара же, более-менее успешно возделываемая до присоединения туркмен к России, была вытеснена хлопком. Рис тоже производили в очень ограниченных масштабах. Наиболее распространенными сортами пшеницы были ак-бутдай, гизыл-бугдай. Население Мерва еще до присоединения к России возделывало как яровую, так и озимую пшеницу. Однако с расширением посевов американского хлопка в конце XIX в. озимая пшеница вытеснила яровую. Это произошло не только потому, что озимая пшеница лучше родится, но и потому, что сеется в более свободное время и скорее освобождает воду для полива хлопка.

Текинцы Мерва большое значение придавали разведению бахчевых культур, поскольку дыни и арбузы всегда входили в рацион питания большинства туркмен; ими же кормили домашнюю скотину 19. Здесь разводили различные сорта дынь: душистые, скороспелые, сладкие, среднеспелые (вахарман, окхытай, геок-торлы и др.), мясистые, позднеспелые (паяндаки, гарры-гыз); а также столовые сорта тыквы (плов-кади, даш-кади, кабе-кади) и кормовую тыкву (хайван-кади). В конце XIX в. в Мерве разводили яблоки, урюк, груши, персики, сливу, гранат, тутовник, джиду, местные сорта винограда: гелин-бармак (дамские пальчики), монты (позднеспелый, крупный), бидана (без косточек), тара (черный винный сорт) и др. В 80-х гг. общая посевная площадь в Мерве достигала 43 тыс. десятин земли, а валовой урожай зерновых в 1889 г. составил более 2,3 млн. пудов, в том числе 3 тыс. пудов риса 20.

Менее развитым было земледельческое хозяйство в Пендинском и Иолотанском оазисах накануне [24] присоединения к России. Здесь сеяли пшеницу, джугару (сорго), ячмень, рис, кунжут, люцерну, немного хлопка.

Хозяйство туркмен носило смешанный характер, его определяли скотоводство и земледелие на поливных и богарных землях. Обработка земли была примитивной: применялись деревянная соха (омач) и деревянная борона. После пахоты для выравнивания пашни применялась мала — массивная доска. Ирригационная система требовала больших затрат труда, но примитивная техника не могла обеспечить высокие урожаи. Среди зерновых преобладали ячмень и пшеница, широкое распространение получили садоводство и бахчеводство.

Ирригационная система мервских текинцев помимо своего прямого хозяйственного назначения выполняла и другую важную функцию: на ней было построено административное деление и в известной мере вся общественная система самоуправления мервских текинцев. По словам побывавшего в Мерве в начале 80-х гг. Алиханова, общественное устройство мервских текинцев было следующим.

Каждые шесть кибиток, пользовавшиеся водою своего оросителя в течение 6 ч. подряд, являлись таким образом связанными общими хозяйственными интересами и назывались ярым келеме. Две такие группы назывались келеме или так (полусуточное пользование оросителем). Два келеме составляли серкар или атлык (суточное пользование оросителем). Эти группы водопользователей, вероятно, составляли в то время трудовые коллективы, которые нередко совместно обрабатывали отведенную им землю. Подобные трудовые коллективы имели место у туркмен и в период после присоединения к России: все так называемые общественные земли санашик обрабатывались в Мерве не индивидуально, а коллективно (келеме или серкарами). Мюльковое землевладение и землепользование здесь имело место лишь в центре оазиса, где постепенно начал складываться оседлый тип аула.

«Ирригационная система Мерва, по-видимому, была значительно проще, чем в начале XX века, и орошала она гораздо меньшую территорию. Она несла на себе следы того первоначального устройства, которые получила при Коушут-хане. Это заключение можно вывести из материалов Алиханова, который утверждал, что в [25] Мерве было всего 24 основных оросительных канала и 100 второстепенных. На каждом из второстепенных каналов мервской системы, которые именовались «инче яб», помещалось 10-12 серкаров или атлыков. Каждые четыре инче яба составляли «ёгын яб». Таких каналов в Мерве было 24» 21. Всеми каналами распоряжались мирабы — заведующие ирригацией. Каждая ирригационная магистраль имела своего мираба, избравшегося соответствующей группой водопользователей. Мирабы избирались из числа людей предприимчивых и физически сильных, так как, несмотря на всю точность распределения в оазисе воды, нужно было иметь твердой воли человека, который обеспечил бы использование всей причитающейся данной группе воды. За свой труд мирабы получали оплату в виде лишнего пая воды. На плотине Коушут-Бент, требовавшей постоянного наблюдения, находился специальный наблюдатель, а также военная охрана — отряд джигитов. Последние ставились сюда всеми родами, населявшими оазис. Содержание их также лежало на населении.

На получение доли общественной воды, согласно адату, имели право: все женатые мужчины; сироты обоего пола, лишившиеся отца; вдовы до нового замужества, если они жили не при детях, имеющих воду; женатые пришельцы, переселившиеся в аул с согласия аульной общины. По адату сироты и вдовы чаще всего переходили к ближайшему родственнику мужа, и таким образом вода в основном распределялась между женатыми мужчинами. Жениться могли и малолетние, после чего немедленно получали долю общественной воды. Ханы, старшины и прочие богатые туркмены, стремясь получить лишнюю долю общинной земли и воды, женили своих 2—3-летних сыновей, тогда как бедняки иногда до 35—50 лет оставались неженатыми, не имея возможности внести за невесту калым, и поэтому обречены были оставаться безземельными либо арендовать землю на кабальных условиях 22.

Таким образом, и здесь, среди мургабских текинцев, в первой половине XIX в. родовая земельно-водная община являлась только внешней формой, прикрывавшей классовое расслоение туркменского аула.

Ремесло и торговля. Туркменские ковры издавна [26] попадали на городские рынки соседних государств, откуда переправлялись в другие страны Азии и Европы. Они отличаются художественным качеством и исключительно высоким техническим исполнением, свидетельствующими о древности этого народного искусства у туркмен. Богатая и вместе с тем скромная гамма пурпурно-красных тонов, типичная для

туркменских ковров, варьировала в коврах разных туркменских племен так же, как варьировал в них исключительно богатый геометрический орнамент. Каждое племя имело свои ковровые узоры и некоторые особенности в композициях, о чем Вамбери упоминает: «Одно из главных произведений Средней Азии — ковры, есть единственная отрасль труда и искусства туркменских женщин: мы получаем их через Персию и Константинополь — кроме удивительной чистоты красок и прочности ткани, поразительно в этих кочующих иомудских женщинах умение соблюсти симметрию фигур, часто отличающихся большим вкусом, нежели у многих европейских фабрикантов. За одним ковром работают обыкновенно несколько девушек и молодых женщин, которыми руководит старуха: она чертит узор на песке остроконечной палкой и потом, смотря на него, выкликает число и цвета ниток, нужных для узора» 28. К сожалению, Вамбери не упоминает или не знает о том, что туркменские женщины, кроме ковров, ткали материи «алача», «кетени», «гырмызы кетени» 24 еще в X в. «У туркмен Ахальского (в особенности в Сунче и Мурче) и Мургабского оазисов целые категории людей ткали знаменитые шелковые ткани красного цвета (гырмызы кетени), которые вывозились в Западный и Северный Туркменистан» 25. Ковры, несомненно, служили объектом продажи. Русские путешественники (П. М. Лессар), побывавшие в Марыйском оазисе накануне его присоединения к России, писали, что на базарах Мары они видели ковры, прекрасные салырские халаты, конские сбруи, войлочные чулки и т. п. 26

В Марыйском оазисе имелась известная специализация в ремесленном производстве. Так, туркмены рода язы изготовляли седла, шихи специализировались на выделке кибиток, бурказы выделявали добротные плети, яры-гокча производили деревянную посуду и сита. Сарыкские женщины выделявали войлоки (в год примерно до 25 тыс. шт.). Кроме войлоков [27] ткали из верблюжьей и козьей шерсти тончайшие сукна на чекмени, которые широко сбывались в Иране 27.

Во второй половине XIX в. все туркменские племена вели оживленную торговлю с Ираном, Хивой и Бухарой. Объектом торговли являлись верблюды, лошади и, в первую очередь, рогатый скот. Однако в самих оазисах торговля только начинала развиваться, поскольку в них еще не произошло массового отделения производителя от средств производства, не возникла местная промышленность и не появился внутренний рынок. Но торговлю скотом и продукцией скотоводческого хозяйства жители оазисов вели в значительных размерах. Так, хивинский хронист сообщает о том, что в Арал с Гюргенских степей приезжали емуты-торговцы, которые сбывали пшеницу, рис и лошадей 28. Караванную торговлю вели и сарыки 29.

Научное описание источника «Дженг-е Мерв».

В истории туркменского народа пока еще недостаточно полно, на наш взгляд, изучено социально-экономическое развитие туркменских племен во второй половине XIX в., а также политическая обстановка в этот период. Это определяется ограниченностью первоисточников и литературы по данным вопросам.

Иранские ученые ввели в научный оборот ценный источник по истории иранского и туркменского народов — рукопись «Дженг-е Мерв» Сеид Мухаммеда Али-ал-Хусейни. Эта работа впервые была опубликована в апреле-мае 1971 г. на языке фарси в журнале «Баррасийхайе тарихи» («Исторические исследования»). Источник обнаружил в личной библиотеке Ахмед-Тахир 1 и передал его сотруднику журнала «Исторические исследования», писавшему: «Рукопись я читал с большим удовольствием и решил данную книжку (рукопись) увековечить наподобие других документов, дабы ход тех событий стал ясным для народов [28] Ирана. Здесь,

воспользуясь моментом, (я) поблагодарю господина Тахири, который передал эту рукопись в распоряжение «меджелее Баррасийхайе тарихи» 2.

Сеид Мухаммед Али-ал-Хусейни описывает поход шахских войск против мервских текинцев, участником которого он был 3. «Дженг-е Мерв» — единственный известный нам источник, написанный на персидском языке и относительно объективно отражающий картину военных действий сарбазов против Мерва. Книга состоит из восьми глав. В первой главе указывается точная дата похода персов в Мерв — 1276-1277 г. х. (1860-1861 гг.) и повествуется о сборе войск для наступления на туркмен-теке Мерва. О походе гаджарских войск в Мерв упоминается еще в записках г. Гулибеф де Блоквиля: «Мы торжественно, с музыкой во главе вступили в Мерв 19 июля 1860 года. Военачальники говорили, что мы кончим тем, что возьмем Теке и двинемся тогда в Бухару» 4. Однако, по другим достоверным источникам, дата вступления в Мерв — лето 1861 г 5. Об этом упоминает Н. И. Гродеков в книге «Война в Туркмении»: «Доведенные такими грабежами до крайности, персияне в 1860 году задумали окончательно расправиться с этим разбойничьим гнездом. Предварительно на левом берегу Герируда было устроено ими укрепление Новый Серахс и в 1861 году через Серахс и Мерв двинута армия, состоящая из 13 000 пехоты, 10 000 кавалерии и 33 орудий» 6.

Насчет численности войска в источниках даются разные данные, особенно они преувеличены в книгах, написанных туркменами. Так, Абду-с-Саттар казы пишет: «Численность войска, знай, равнялась семидесяти тысячам, так что (им) заполнились окрестности города Мешхеда» 7. Дован-шахир: «Военачальником войска назначен Хамза Мирза с 32 пушками и тысячей груженных порохом верблюдов» 8. По Петрусевичу, персидская армия состояла из 12 000 пехоты, около 10 000 кавалерии при 33 артиллерийских орудиях. Во главе войска стояли наместник Хорасана Хамза Мирза Хишмат-Дауле и его помощник Мирза Мамед Кавамад-Дауле; последний упоминается в поэме под кличкой Кара сертиб 9.

«Из священного Мешхеда прибыл приближенный шаха Шихабол-Молк, начал считать войско и занимался только важнейшими делами. Когда посчитали [29] пеших и конных, их оказалось более 21 тыс., которые прошли перед (его) глазами» 10.

В этой же главе упоминаются имена известных персидских военачальников: Хамза Мирза Хишмат-Дауле, Кавам-эд-Дауле, Мухаммед Вали-хан-сердар и др. К сожалению, автор не называет руководителей туркмен-теке Мерва.

В остальных главах книги приводятся конкретные сведения о походе персов в Мерв. Некоторые из них не были освещены даже в «Книге рассказов о битвах текинцев», написанной туркменом Абду-с-Саттар казы. Сам автор пишет: «Я в это время был среди войска, но не слышал, чтобы офицеры кого-либо представили к ответственности. Когда я спросил Хишмат-Дауле о причине отсутствия порядка в войске, то он ответил: «Я тоже никогда не видел такого беспорядочного войска» 11.

В четвертой и пятой главах автор пишет, как они проехали в безводной пустыне по жаре; вода, которая была в бурдюках, испортилась, у большинства солдат болели животы 12.

Мухаммед Али-ал-Хусейни отмечает голод среди персидских войск во время похода в результате повышения цен на хлеб и мясо (автор указывает цену, по которой в то время туркмены-сарыки продавали хлеб). Персы ели траву, мясо лошадей и верблюдов, а вместо воды пили их кровь. Гулибеф-де Блоквил пишет: «В незначительных экспедициях теряли даром столько людей, животных и жгли понапрасну порох» 13.

В источнике описывается помощь туркменских племен сарыков и салыров иранским войскам в завоевании Мерва. В шестой главе автор пишет: «Из Дашрабат 15-го зийхиджа (месяца) со стороны Пенждех и Меймене приехал предводитель одного из сарыкского племени под именем Ымам Кули-Мирза со своими всадниками. От имени сарыкского народа принес ариза (жалобу) на туркмен. Мехди Кули-хан беглер- беги из племени джемшиди живет в Меймене и Маручеке. По аризе получалось, что сарыки подчинены Ирану и готовы Вам служить. Ымам Кули-сердар 14 очень умный, грамотный человек и предлагает всем своим быть покорными Ирану. 16-го дня месяца зульхиджа во второй половине дня он обещал быть проводником и показать орде 15 Караяб текинское [30] плодородное место. Он показал дорогу, по которой войско двинулось вперед» 16.

О помощи сарыков гаджарам упоминается только А. Самойловичем (это этнографические данные); «Через два года под давлением персидских войск, пришедших наказать текинцев за аламаны, текинцы ушли в Порсу-калу 17. Там в то время жило кибиток 20 сарыков и, между прочим, сыновья Халипа-Ишана 18. Сравнив в Серахсе крепость Коушут с землей, персы явились на зов сарыков под Порсу в числе 36 тысяч и были разбиты текинцами вместе со своими союзниками у Кошка. И сарыки, и персы отступили к нынешнему Мерву. Через два месяца персы ушли. Текинцы подружались с сарыками, но дружба их тянулась только два месяца, и сарыки должны были уйти на новые места» 19.

О дружбе текинцев и сарыков после ухода гаджарских войск указывается в работе А. Самойловича «Из Мервской старины». Эти сведения перекликаются с данными Мухаммед Али-ал-Хусейни о том, что при изгнании гаджаров сарыки содействовали текинцам: «В 3-й день (обратного пути) 400-500 конных сарыков начали воевать с нами. Хезарайцы под руководством Юсуб-хан хезара начали защищаться и открыли дорогу. Многие сарыки утонули в речке Шахт. Некоторые попали в плен... Когда до Пенждеха осталось всего 2 фарсаха, (нас) встретили сарыкские аксакалы, просили извинения из-за допущенной ими ошибки и вернули пленных с выражением покорности служить Ирану. Наша орда остановилась на расстоянии около одного фарсаха от Ташкепри, чтобы вывезти продукты с близких мест. Сарыки привозили кушанья и продавали по дорогой цене, а солдаты были вынуждены покупать. Войско пробыло здесь 2 дня, отдыхало, а туркмены им служили по мере возможности 20. 24 месяца раби-эл-оввал один сарбаз поссорился с одним сарыком из-за цены дыни на ординском временном базаре. Сарбаз прицелился из ружья, а туркмен схватился за саблю. Пришли 2-3 солдата, и от туркмен пришло несколько человек. Кто-то из сарбазов крикнул: «Туркмен гельды» (пришли туркмены). Из-за этого по всему базару началась паника. Этот слух дошел и до орды. Там подумали, что на самом деле прибыли туркмены (текинцы), сели на коней и [31] помчались, оставляя скот, вещи, и бежали в сторону песков. В ту ночь конные и пехота прошли 4 фарсаха. Никто ни о ком ничего не знал, каждому была дорога своя жизнь. Никто не удосужился проверить, правда ли то было или нет. Всем было не до этого. Увидев такое положение, туркмены-сарыки собрали тысячу конных и пеших ополченцев, шли по следам орды и грабили. Преследовали до гератского Батхыза Чеменебида. Приблизительно 2500 человек взяли в плен» 21. Это очень интересное сведение не упоминается ни в работах европейских путешественников 22, ни даже туркменских и русских авторов XIX в. Таким образом, о помощи салыров гаджарам и о

столкновении их с ними мы узнаем только от Мухаммеда Али-ал-Хусейни («Дженг-е Мерв»): «Из салыров были добровольцы числом в 150 конных и 50 пеших. Они возвратились в Мерв. Салырам, как и сарыкам, платили ежемесячное жалованье. Сарыки противились приходу салыров в орду. Они предупреждали военачальников, что салыры никогда не будут верными подданными Ирана, а потому их надо только грабить. Потом обнаружилось, что салыры честно не служили» 23.

Одновременно салыры помогали текинцам. Когда часть персидского войска вышла для купли хлеба из Иолотанской крепости, они своевременно сообщили текинцам, что врага лучше уничтожить в пути. Автор пишет: «Еще долго беседовали о покупке хлеба у иолотанских туркмен-салыров. Общее количество хлеба — 2 тысячи харваров, каждый харвар стоит 4 тумана, всего 8 тысяч туманов (1 харвар — 300 кг). Эта сумма передана Абдул Али-хан-сартibu, чтобы идти в крепость купить хлеба у салыров. Каждое подразделение должно идти со своим скотом, грузить и привезти сюда. Но стало известно, что этих денег не хватит и на 2 тысячи харваров хлеба. Таким образом, каждому полку надо было 100 харваров хлеба, но и этого не хватало. Остальные солдаты, кому не досталось хлеба, вынуждены были покупать его на свои деньги. Абдул Али-хан-сартиб с 8 арбами, с пушками и с 200-300 людьми от каждого подразделения и с несколькими салырскими туркменами направляется в сторону крепости. Многие из этих салыров были сторонниками текинцев и заранее сообщили им о движении. Они [32] (текинцы) должны были разгромить войско Абдул Али- хана.

На другой день приехали 1000 конных текинцев и окружили их. Салыры со своей стороны еще до прихода текинцев начали нападать и добывать трофеи. Абдул Али-хан-сартиб, увидев такое положение, приказал солдатам отразить нападение туркмен. Он арестовал всех туркмен, которые находились в войске. Отразили туркмен, и они бежали в сторону Мерва. Когда подошли к Мервской крепости, опять столкнулись с туркменами и 30 из них были пленены. Салыры бежали в сторону Пенждех. Салыров, которые остались в крепости, взяли в плен. Но в пути встречались сарыки, которые просили за салыров. В конце концов иранцы прощали их вину» 24. Здесь следует отметить, что все туркменские, точнее текинские авторы 25, писавшие о туркмено-гаджарской войне, преувеличивали свою смелость и победы, но умалчивали в какой-то мере о помощи других туркменских племен (сарыков и салыров). Это, видимо, связано с тем, что сарыки и салыры вначале помогали гаджарам. Кроме того, из «Дженг-е Мерва» мы узнаем, что в войне с персами в народном ополчении в одном ряду с мужчинами стояли туркменские женщины. «Случалось так, что даже женщины давали отпор. Они бросали песок и заставляли (нас) отступить» 26. Об этом также ни в каких источниках не упоминается.

Гулибеф де Блоквил является единственным очевидцем этой войны, упоминающим о тифозной эпидемии: «Зараженный воздух нашего лагеря, заваленногодохлыми животными и всевозможными нечистотами, скоро породил в отряде нечто вроде тифозной эпидемии, и испуганные начальники стали с этих пор помышлять только о возвращении в Мешхед, находя, что позднее время года не позволяет предпринять теперь с успехом никакой экспедиции» 27. Характеристика хода войны у европейских и русских авторов почти одинаковая, не считая автора изучаемого источника. О походе и о войне Блоквил пишет довольно подробно и объективно: «(Туркмены напали на одно из таких прикрытий, овладели двумя пушками со всеми их принадлежностями и, обратив их против персиян, принудили последних бегом возвращаться в лагерь. После [33] нескольких минут беспорядочного сопротивления, во время которого персияне понесли тяжелые потери, каждый думал только о своем собственном спасении, оставляя на произвол туркмен вьючный скот и все, что только им угодно было забрать. Полчаса спустя мы увидели, что при отряде нет ни одного начальника, и заметили вдали кавалерию,

движущуюся по направлению к Мерву» 28. В этом бою с туркменами, когда отступили гаджары, Блоквил попал в плен: «До мая 1861 г., то есть до того времени, когда текеевцы возвратились на свои обычные места, я оставался в руках туркменского племени Конгур, именно в двух милях к северу от текеевских укреплений» 29. О его пленении и выкупе упоминает А. Вамбери в книге «Моя жизнь»: «Дело в том, что незадолго до того персидский шах должен был по настоянию Наполеона III уплатить мервским туркменам 12 000 дукатов в виде выкупа за де Блоквиля, который был взят в плен в Мерве (находившемся в то время под владычеством Персии)» 30.

Абду-с-Саттар казы отмечает даже распространение среди шахской армии слуха о том, что на помощь мервским текинцам якобы приедет «Нурберды-хан из Ахала со своими конными» 31. Об этом Дован-шахир повествует стихами:

Найзасы элван селекли

Ахаллы кулли мест гелер 32.

Ссылаясь на Абду-с-Саттара, можно утверждать, что этот слух был распространен среди шахских войск, но об этом ни в «Дженг-е Мерве», ни в других источниках не упоминается, поэтому этот вопрос пока еще остается спорным.

В восьмой главе «Дженг-е Мерва» автор также отмечает интересные факты о некоем Сафарек-хане: «Текинцы, наблюдая такое положение, начали волноваться и хотели вести переговоры. Отправляли некоего Сафарек-хана с некоторыми текинцами, которые раньше были в плену у персов» 33. Абду-с-Саттар казы об этом пишет: «А был там (у персов) один пленничек, звали его Сафарек-ханом. Несколько лет тот человек был прикован к темнице, в своем же народе был он выдающимся богатырем. Привели его (персы на войну) как верного друга для налетов на текинский народ» 34. Надо полагать, что автор «Дженг-е Мерва», будучи очевидцем, прав, утверждая, что [34] главнокомандующие войском вынуждены были вести переговоры. В то время Абду-с-Саттар писал только то, что слышал, во многом преувеличивая происшедшие события.

В этой же главе Мухаммед Али-ал-Хусейни подробно рассказывает о поражении гаджарских войск и бегстве их в сторону Мешхеда. В этом бою туркменами у персидской армии было отбито 32 артиллерийских орудия 35. М. Алиханов-Аварский пишет о поражении персидской армии: «Таков был конец этого злополучного нашествия персов. В Мерве сосредоточилась после этого такая масса пленных и оружия, что цена на невольника-перса спала с 500 рублей до 5, а за ружье едва платили два-три крана» 36.

Повелитель Ирана вознегодовал при известии об этой неудаче. Он созвал в столицу всех военачальников, начиная со своего сына, военного министра, и держал им приблизительно такую речь: «Я вас собрал, чтобы вы объяснили мне — почему все мои предшественники, как Фатали и Магомед шахи, были всегда победителями? Мои же войска — куда ни пошлю их, даже для наказания шайки туркмен, — всегда остаются побежденными и если возвращаются, то с позором. Какая тут причина? Долго сановники Ирана, с глубокими поклонами,

отнекивались, что не могут разрешить этого вопроса, что подобная задача сподручнее пресветлой голове его величества и т. д. Такие ответы еще более рассердили шаха» 37. Книгу «В гостях у шаха» Алиханов-Аварский писал после встречи с шахом Ирана Насер-ад-Дином гаджаром в 1898 г. Автор «Дженг-е Мерва» особенно ярко и четко описывает поражение и бегство гаджарских войск в Мешхед, в других источниках отмечается ход сражений туркмен с гаджарами. Но о бегстве и о том, с каким трудом они доехали до Мешхеда, никто, кроме Мухаммед Али-ал-Хусейни, такую ясную картину не нарисовал.

ПЕРЕВОД ИСТОЧНИКА «ДЖЕНГ-Е МЕРВ»

Странички из истории.

Мервская война 1860-1861 гг.

Из всех событий, произошедших в правление династии Гаджаров, особенно знаменательна Мервская [35] война. Событие это произошло 1277 хиджри камари (1860-1861 гг.). Правитель Хорасана Хымза Мирза Хишмет-Довле для наказания туркмен, занимающихся грабежами в Северном Хорасане (15 зил-кааде 1860 г.), направился в сторону Мерва. Эти вольно живущие племена годами поселялись тут и откочевывали в другие места на восток Ирана, лишая эту провинцию спокойствия и мира.

Правитель Хорасана настойчиво уклонялся от столкновений. Во втором сражении войско иранцев было разгромлено туркменами. При этом иранцы потеряли все дорожные обозы и провизию, пушки и оружие попали в руки туркмен. Вооружившись, туркмены расширили масштабы своих грабительских действий. Они взяли в плен столько людей, что, как свидетельствует генерал Сайке, стоимость рабов в Центральной Азии сильно упала.

События в Мерве в истории Ирана того периода были непосредственно связаны с потерей Ираном 17 городов на Кавказе, земель в Хирате, территории Афганистана и Белуджистана. В то время соперниками Ирана на востоке были такие сильные государства, как Англия и Россия, которые силой и тактикой вынудили иранское государство уступить часть своей территории. Здесь немаловажную роль сыграли разногласия иранских военачальников, а также отсутствие дисциплины в войсках.

Хотя правитель Хорасана первоначально взял город Мерв без всякого сопротивления со стороны туркмен, позднее, при столкновении с ними он потерпел поражение, потеряв весь свой обоз и боеприпасы. Все пушки и оружие попали в руки туркмен, способствуя продолжению больших набегов.

В «Дженг-е Мерве» ничего не сказано о причине возникновения войны. Автор подробно излагает события, начиная с того времени, когда войска начали поход из предместья Мешхеда, расположенного от него в 18 км, описывая способ доставления войску боеприпасов, воды, пищи, а также освещает причины возникновения

разногласий между военачальниками. Автор отмечает небрежное отношение к дисциплине, отсутствие, плана (ведения) войны и ошибки военачальников, размеры потерь и, наконец, причины поражения. [36]

Рукопись состоит из 118 листов, 5 из которых занимает вступление, 111 — изложение событий, 2 листа - заключение. Здесь же автор коротко говорит о себе, о причинах составления данной книги и дате ее завершения.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Все начальники и подчиненные ничего не имели против своего государства. Они желали, чтобы это великое дело (поход) завершилось бы успехом. Они двинулись, вождем о скорой удаче, думая, что туркмены, увидев их, либо разбегутся в Балх, Бухару и Хиву, либо примут подданство великого иранского государства. Но 17 числа месяца раби-ал аввал 1277 г. (1861) случилось непредвиденное. Растерявшись, персидские войска с позором бежали в сторону Мешхеда от преследования туркмен.

I ЧАСТЬ

Военачальники, не думая о воде и корме, двинули войско вперед. В Серахсе кроме камыша для корма (животным) не было ничего. Так же обстояло дело с гужевым транспортом. За семь дней до похода большого войска по приказу приближенного шаха Мамед Вали-хан сердара многие начальники, генералы и заместители Джахансуз Мирза, покойный Мухаммед Хасан-хан и приближенный шаха Хусейн Али-хан и с большими должностями Наги-хан и Реза Кули-хан Курт беклу и Фетх Али-хан Багдади с уполномоченными должны были выполнить в Сербенде порученные задания. Но им не удалось осуществить задуманное до прихода войск. (Они) запрудили только одну сторону плотины, другую же открыли, что не привело ни к какому успеху. Еще двенадцать дней работали над восстановлением плотины после приезда основных сил. Беспрерывно работая с утра до ночи, они закрыли плотину. Примерно 18 фарсахов 38 земли составляли солончаки и пустыня, поэтому через пустыню решили провести воду по арыку. Это дело возглавил Мамед Вали-хан сердар. За сутки удалось прорыть арык длиной не более чем в один, от силы - два фарсаха. В конце концов, не сумев довести дело до конца, от этой затеи отказались, потеряв 25 дней. [37]

Во вторник месяца зил-кааде 1276 хиджри большая орда от Кали Якути, что в трех фарсах от Мешхеда, двинулась в сторону Мерва. 15-го числа месяца зул-хиджа добрались до Мервской долины. Продвигались до Мерва 45 дней, ввиду того, что на закрытие плотины Кызыл-кая войско затратило много времени. Кормом для лошадей в пустыне служил высохший и сухой камыш. Во многих переходах корма не было, поэтому от привала к привалу необходимо было запастись сухим камышом. Все верховые животные, выбившись из сил, не могли двигаться вперед. Когда (мы) добрались до пустыни, со всех сторон каждый день нападали туркмены. Шеститысячная кавалерия из Хорасана, Ирака, Азербайджана (Иран) до появления орды ничего не могла предпринять против более пятидесяти конных (туркмен), ни у кого не хватало смелости отлучиться от отряда и отбить у них угнанных коней и верблюдов.

II ЧАСТЬ

По выходу войска из Мешхеда, при его движении по Мервской пустыне, а также во время остановки около Мерва не раз нарушалась военная дисциплина. Каждый вечер выходил приказ, но никто не принимал его во внимание. За нарушение приказа никого не наказывали по закону военного положения.

В разведку отправляли дозоры. Для наблюдения за порядком был назначен Паша-хан казак, но его никто не слушал. Туркменские (ополченцы), дождавшись между Серахсом и Мервом персидского войска, начали томить его. Они отбивали от орды 2-3 человек или 10-15 верблюдов, но за это к ответственности никого не привлекали. Я в это время был среди войска, но не слышал, чтобы какой-нибудь офицер кого-либо привлек к ответственности. Когда я спросил Хишмат-ад-Довле о причинах беспорядка в войске, то он лишь ответил: «Я тоже не видел такого беспорядочного войска».

III ЧАСТЬ

От Кале-Якути к Мерву двигались во вторник начала зил-кааде 1276. г. Орда (войско) от Шорджа до Хишметабада добралась 9-го зил-кааде 1276 г. Вода там (в Шорджа) соленая. На берегу реки лес. [38] Основные силы войска там не останавливались. Им разрешили привал, когда доехали до Акдербенда. В том месте есть пресная вода. Два с половиной дня воду пили из ручья, была обильная трава, много фруктов. Почти до четырех фарсахов можно было продвигаться в лесах с пресной водой. Солдаты увлеклись охотой. К вечеру войско добралось до Шорджа. Затем ехали семь фарсахов среди песков и достигли крепости Хишметабад. Хишмат-ад-Довле, господин Ковам и другие офицеры пошли осматривать ее. Эта крепость вроде той, которую шахские солдаты отстроили в прошлом году и называли ее «Мобареке Насери». Тогда по приказу Хишмат-ад-Довле и инженера Мирза Мехди генерал дивизиона Хададад-хан был вынужден строить ту крепость. Это одна из крепостей, которая находится в очень удобном месте на берегу реки.

За передвижением к приезду туркменских ополченцев должны были наблюдать 100 человек с одной пушкой. Большая орда (войско) остановилась в удобном месте на берегу Херата, оставшись здесь и на следующий день. Во время стоянки в крепости Мобареке Насери к Наввабу Хишмат-эд-Довле и господину Кавам-эд-Довле приехал приближенный шаха Мамед Вали-хан сардар. В Серахсе выращивали хорошие огурцы, которые к их приезду уже созрели. Мамед Вали-хан привез и угостил ими офицеров (войска). Войско доехало до Кизил-кая.

Навваб Джахансуз Мирза со своим полком, покойный Мухаммед Хасан-хан сертиб с полком под названием «ферахан», приближенный шаха Хусейн Али-хан сертиб с ардебильским полком и другие полководцы, как Фатхали-хан Шах-Совен Багдади и Ре-за Кули-хан Куртбеглу, со своими всадниками и обозами остановились для починки плотины. В течение 7-8 дней, до прихода главных сил, (они) в ремонте плотины ничего существенного не достигли. После прихода главных сил было потеряно еще 10 дней, хотя за 8 дней построили прочную плотину. Одну часть воды направили в сторону Шор-кала, другую — Кучек-кум.

Из священного Мешхеда прибыл приближенный шаха — Шихаб-ал-Молк. Хишмат-ад-Довле и Другие офицеры в парадной форме выстроились перед ним. [39] Он, Мухаммед Вали-хан Хаджи Мирза Ризаи, Мостофи Хорасани производили подсчет войска и занимались другими делами. Когда сосчитали пеших и конных, которые прошли перед ним, всего получилось более 21 тыс. человек.

IV ЧАСТЬ

После проверки 24 числа месяца зул-кааде войско двинулось от плотины Сербенда в сторону Мерва. Аббас-хан-сертиб Туршиду поручено было остаться в Сербенде со своим войском. Для охраны Сербенда остался еще один полк, они должны были оставаться до тех пор, пока главные силы не достигнут Мерва. Главные силы, как уже указывалось, шли вслед за водой. Судьба войска зависела от прихода воды в Шоркала. На следующий день, пройдя 4 фарсаха, добрались до привала Садыкая. Вода в арыке постепенно уменьшалась, так как земля впитывала большую ее часть. В течение суток можно было продвинуться только на 1,5-2 фарсаха. Погода была жаркой, вода постепенно становилась чрезмерно соленой и даже горькой — у солдат болели животы. В эти трудные дни войско возглавлял Мамед Вали-хан сардар. Если вода останавливалась, они очищали арык и таким образом ехали 17 дней. Кормом для животных служил только камыш. Все животные пали без сил. Людей охватил такой страх, что казалось — все умрут среди песков. Среди военачальников начались разногласия. Высказывались разные мнения о дальнейшей судьбе похода. Аблулалли-хан сертиб, Юсуф-хан сертиб и покойный Мухаммед Хасан-хан были за продвижение войска. Но Шехаб-ал-Молк, Мухаммед Вали-хан сардар и приближенный шаха заместитель начальника войска (имя не указано) считали что войско необходимо пополнить новыми людьми. Господин Кавам-эд-Довле покойный Нусрат-эл Молк и др. имели свои мнения. Если вода не доберется до песков, то войско в летнее время будет двигаться 18 фарсахов, тогда в армии умрет одна треть солдат. Большинство хорасанских главнокомандующих поддерживали эту мысль. Они считали необходимым возвращение в Хишматабад, затем в Пулхатын и далее Гератской дорогой, где много воды и травы, в Мерв. Об этом каждый день обменивались мнениями, что и привело к разногласию среди военачальников. [40]

Было поддержано первое мнение — идти вперед. Если случится беда, то они всю вину берут на себя перед диваном шаха (канцелярия). За два фарсаха до Шоркалы близкий к шаху Мамед Вали-хан сардар, Шехаб-ал Молк, хорасанские финансовые руководители (мостовфиян) и др., которые были в орде, по разным причинам вернулись обратно, будто бы их в вилайете ждут важные дела. Отсюда они направились в сторону Мешхеда, уведя за собой всех своих солдат. Как я слышал, в тайне от Шехаб-ал Молка приблизительно тысяча человек, а многие из них были конные, направились к Мешхеду.

До сегодняшнего дня, 2-го числа месяца зульхаджа, туркмены-теке не произвели никаких нападений и не было потерь в войске. Воровства тоже не было (от туркмен). На следующий день, когда животные орды паслись, враг (туркмены) внезапно напал и увел 65-66 верблюдов и многих солдат взял в плен. С того времени конные туркмены стали появляться часто и начали беспокоить сарбазов. Отделившиеся от войска люди, о которых упоминалось выше, после 5 дней, пройдя три фарсаха и 2 зульхаджа, остановились в Шооджаголе, что

находится от Шоркалы в 1 фарсах. Вода сюда доходила в последнюю очередь. Начальники пришли к выводу, что воду надо брать отсюда — Шоркале. Оставшиеся 18 фарсахов воду надо перевозить в бурдюках.

V ЧАСТЬ

9-го месяца зульхаджа к вечеру раздался голос зурны, возвещающий приказ сбора. Когда войско начало свое движение, оставалось 3 часа до заката солнца. Причиной ночного движения войска были безводность и жара. До передвижения войска Навваб-эд-Довле, господин Кавам-эд-Довле и др. полководцы на конях скакали на полфарсаха впереди. (Они) проверяли все обозы, подготавливая авангард и фланговых солдат в поход. От нор крыс и змей земля была как сито, кони и верблюды проваливались в них, ломая ноги. Поздно ночью среди войска начались беспорядки. В ту ночь пали без сил более 2 тыс. животных: ишаки, кони и верблюды. Такое положение длилось до второй половины дня следующих суток. Артиллерия с боеприпасами пока еще не прибыла, [41] поскольку у одной из пушек сломалось колесо за 2 фарсаха до места назначения. Для ремонта пушек в обозе остались Абдул Али-хан сертиб, Юсуф-хан сертиб афшар и др.

Но господа Хишмат-эд-Довле, Кавам-эд-Довле и др. дали наказ — орде двигаться только ночью. Днем, куда бы не пребывали, следовало останавливаться. Вода в бурдюках испортилась, и ее не пили даже животные. По всему войску кончилась вода, все испытывали жажду. В течение суток выкопали 1500 колодцев, возле которых решено было оставаться 2 дня, потом двигаться к Дашрабату. Это был разрушенный караван-сарай. Туркмены говорили, что он построен по приказу Султана Санджары. Рядом с караван-сараем находилась еще крепость, построенная из жженного кирпича, но разрушенная. Некогда плодородные культурные зоны превращены в руины. От канала, что был проведен от Мургаба, ничего не осталось.

VI ЧАСТЬ

Сюда (в Дашрабат) 15-го зулхиджа со стороны Пенждех и Меймене приехал предводитель одного из родов сарыкского племени Ымам Кули-Мирзе со своими конными. От имени сарыкского народа принес ариза (жалобу) на туркмен. Мехди Кули-хан-беглер-беги из племени джемшиди живет в Меймене и Маручаке. По аризе выходило, что сарыки подчинены Ирану и готовы ему служить. Ымам Кули сердар выглядел умным и грамотным человеком и предлагал своим землякам быть покорными Ирану. 13-го месяца зулхиджа во второй половине дня он обещал стать проводником и показать орде Караяб текинское плодородное место. Он показал дорогу, по которой войско двинулось вперед. В течение этого дня туркмены им не встретились. Но позднее они начали нападать маленькими группами. Спустя всего два часа пути от Ташрабата из засад начали появляться туркменские конные отряды. Они появлялись внезапно, нападали и тут же куда-то исчезали. Большое войско приготовилось к обороне. Кони, пушки перестали действовать из-за того, что земля была мягкой. Туркмены в тот же день хотели уничтожить врага. Войсковые начальники считали это поле негодным для боя. Они отгоняли туркмен пушками. [42]

Орда остановилась в Караябе — богатом плодородном месте. Туркмены здесь жили отдельно — по 5-6 кибиток в разных местах. К приходу иранского войска была убрана только половина пшеницы, остальная

оставалась в поле. Выращивали джугару, кунджут, пшеницу, а из овощей — дыни и арбузы. Росли маш, горох и чечевица, дававшие хорошие урожаи. Три дня орда оставалась в Караябе. В течение этих дней туркмены нас грабили. Орда собрала оставшийся урожай. Во время пребывания в Караябе стало известно, что туркмены покинули крепость Мерва. Должностные лица войска долго совещались — остаться здесь и собрать урожай или переселиться в Мервскую крепость. Большинство сарбазов (солдат) были сторонниками остановки в Караябе и давали совет — собрав всю пшеницу для провизии солдат, продвигаться далее, предлагали оставить тут один полк с пушками и офицерами для охраны. Но военачальники не согласились. Они сочли верным как раз обратное — надо двигаться только вперед. С таким соображением 18-го зулхиджа мы двинулись в сторону Мервской крепости. Бросили весь собранный урожай и испортили приблизительно 10-12 харваров туркменского хлеба. Только половину собранного урожая взяли с собой, остальное потоптали кони. От Караяба до Мерва расстояние составляет 4 фарсаха. Было намечено двигаться к Мерву после ночевки. Но произошло иное — войско двинулось в Мерв 17-го числа на рассвете.

Навваб Хишмет Довле и Кавам-эд-Довле в авангарде с полками Эрдебил и Мешкил, конные 16-ти шакаки и карайи и хезари шли далеко впереди от всех сарбазов. Они добрались до какого-то туркменского селения, в котором проживало 3 4 тыс. семейств 39. При виде туркменского селения под Мервом они подумали, что туркмен, не успевших толком собраться, мы уничтожим с ходу. Но оказалось, что туркмены успели подготовиться к встрече. В кукурузниках и других местах они держали в засаде 1000 конных и 500 пеших ополченцев, которые напали на войско. Кавам-эд-Довле дал приказ первой очереди конным хезарийцам отбить атаку туркмен. Туркмены увлекали (наших) солдат к своим засадам, где обстреливали их из зарослей кукурузного поля. Тогда [43] Кавам-эд-Довле для отражения туркмейских ополченцев отправил ардебилский и мешкильский полки. Туркмены начали отступать. Вслед за этими полками перешел в наступление 18-й полк. Туркмены продолжали отступление. Таким образом, мы завладели первым оборонительным пунктом, а вслед за ним — вторым и ворвались в село. Мы были очевидцами того, что даже женщины давали отпор: бросали камни, песок, заставляя останавливаться. Туркмены собрали силы и продолжили бой. Это столкновение длилось 7 часов. Главные силы войска стояли на том же месте и, не двигаясь, отправляли свежие силы своим воюющим частям. Сарбазы думали, что село уже осаждено и без разрешения напали на деревню, занялись грабежом и никто не хотел воевать. Туркмены тем временем не растерялись — стреляли, рубили саблями, убивая многих. Они (кафиры) были вынуждены отступить. В ставке думали, что деревня уже завоевана и не отправляли дополнительные силы. В тот день многих из ардебильского полка во главе с самим Ымамберды Султаном порубили (туркмены) саблями.

Когда главные силы войска продвинулись на пол- фарсаха вперед, стало известно, что туркмены многих наших взяли в плен и многие пали на поле боя. Это столкновение прекратилось около 7 ч вечера. Потом стало известно, что туркмены взяли в плен и убили 200 солдат, тех самых, что ворвались в деревню без разрешения командующих. Со стороны туркмен было убито не более 50-60 человек. Туркмены, видимо, думали, что явятся персидские войска и уничтожат их. Но вышло все наоборот, несмотря на много превосходящие силы, гаджарские сарбазы, не способные на храбрость, боялись появления туркмен.

Командующие хорасанского полка от племени хезара Юсуф-хан; Атаулла-хан Теймури и др. считали, что либо туркмены станут рабами Ирана, либо разбегутся в сторону Хивы. Они решили, что сегодня следует переночевать, а завтра со свежими силами необходимо очистить дорогу от туркмен, составляющих не более 2-3 семей. Я узнавал мнения туркмен о ходе боя. Они отвечали, если Персы сражались бы и на следующий день,

то мы бы не устояли. Но главнокомандующий войска, считая пребывание здесь делом [44] бесполезным, обойдя деревню, двинулся 19-го зулхиджа в сторону Мерва. 20-го числа месяца зулхиджа проехали 1 фарсах, и ночью добрались до местности Семендук. Остановили обоз около арыка, где течет вода в сторону Мервской крепости и 5 дней отдыхали здесь. Но тут на нас днем и ночью нападали и грабили туркмены. Войско охраняли 50 солдат. Туркмены группами нападали на орду и по мере возможности старались увести в плен. Сарбазы, которых отправляли за водой, встречали 1-2 туркмен, скрывавшихся в камышах. В тот момент, когда сарбазы хотели брать воду, голые туркмены тащили и уводили их с собой. В течение 5 дней повторялась такая картина. Всюду, где в укромных местах установили свои шатры полки Дамгана, Аджамы, Араба, Мергаба, они тоже теряли по 1-2 сарбаза.

VII ЧАСТЬ

Они завладели крепостью Мерва без какого-либо сопротивления. Начался месяц ашура (мухаррам), который персы провели без боя. Люди, отправленные вдаль от крепости, пришли с пустыми руками. Между воинами из-за пустяков начались разногласия, например, по поводу того, кому и как принести траву для скота и т. д. К этому времени из сарыков пришло на службу 100 конных. Второго мухаррама 150 конных и 50 пеших сарыков из Пенждеха пришли в Мервскую крепость. Они были отправлены от племени Ымамкули сарыка для персидского подданства. Навваб Хишмет Довле и Кавам-эд-Довле назначили этим туркменам месячное жалованье, которое должен был платить заместитель командующего из ассигнований дивизиона. Каждому конному по 1 тыс. динаров, пешим — 500 динаров, каждому старшине — 2 тыс. динаров. Сарыки помогали нам и принесли баранов и фуража скоту. Текинцы, увидев присоединение к нам сарыков, объединились. Сарыки от текинцев забрали баранов и привезли пленных. Они (сарыки) служили нам до конца мухаррама.

Нусратул Молк Мир Пандж предложил: Салырское племя по численности меньше, чем текинское. Иолотанская крепость, где проживают салыры, недалеко от Мервской крепости. Их крепость полна продуктов. До сегодняшнего дня, как мы поселились в [45] Мервской крепости, они не выразили готовности служить Государю (Ирана). Сколько раз мы не просили у них помощи, отправляя гонцов, все было бесполезно — они не оказывали даже небольшие услуги и не желали слушать. Ни один человек не был направлен в нашу армию. Поэтому резонно неожиданно напасть на немногочисленных салыров, подчинить их, а потом завоевать текинцев Мерва. Все поддержали это мнение.

В этих целях 9-го мухаррама из каждого полка мы выбрали 500 солдат, 15 арб с пушками и экипировкой, а ненужные лишние грузы, как шатры, оставляли на месте, 13-го мухаррама выступили против салыров. 14-го ночью мы вышли на берег р. Шахт. Там была плотина, некогда выстроенная из камня, кирпича и извести. Ее не раз восстанавливали во времена султанов, когда расцветал Мару-шаху-и-джахан. Ныне же она лежит в руинах. Но туркмены осели недалеко от этой крепости и возвели новую плотину. К салырам заранее были отправлены сарыки и хорасанские аксакалы для переговоров. После этого последовал приказ атаковать Иолотанскую крепость. К Иолотанской крепости для ее ограбления отправляются Навваб Хишмет Довле и Кавам-эд-Довле. Хишмет-Довле, Чардовле с азербайджанскими конными ехали впереди дивизии, в пути сталкиваясь с туркменами. В конечном счете туркмены отступили. Когда они выразили покорность, (мы) не вошли в крепость. Они (салыры) привезли из крепости пшеницу, рис, масла, баранов и др. Продавали в течение

нескольких дней: пшеницу 2 мана — 1 сахеп гран, муку пшеничную 1,5 мана — 1 сахеп гран, рис 1 мана — 4-5 тыс. динаров, масло 1 мана — 15 тыс. динаров, или 2 тумана.

15-го мухаррема войско возвратилось обратно. Салыры выставили 150 конных и 50 пеших добровольцев, которые прибыли с нами в Мерв. Салырам так же, как сарыкам. платили ежемесячное жалованье. Они (салыры) Хишмат-эд-Довле представили как друга некоего Аман-Назара, который был назначен командующим сарыкских конных.

Хишмет Довле, оставив за себя Касем-хана сертиба, уезжает на некоторое время. Одна треть войска осталась в его руках. Сарыки роптали на приход салыров в орду. Они говорили, что салыры никогда [46] не будут подданными Ирана, никогда не будут служить вам преданно и что их надо только грабить. Время показало, что салыры служили не из преданности.

После возвращения из Иолотани в Мервскую крепость начался военный совет. Многие выступили за нападение на текинцев. Заместитель Хишмат-эд-Довле, приближенный шаха Абдул-Али-хан сертиб, Навваб Джахансуз Мирза и др. полководцы предлагали напасть на текинское укрепление и уничтожить их. Против этой мысли были главнокомандующий войском Нусратул Молк, Юсуф-хан илбеги хезаре, Мир Атаулла-хан Теймури и др. Они считали необходимым оставаться в Мервской крепости до тех пор, пока не явятся сами туркмены.

С этого дня солдаты занимались только сбором продовольствия. Они мысленно успокаивали себя: «Если вода, которая течет из речки Шахта через Мервскую крепость к текинским землям и используется для питья и земледелия, будет направлена в сторону песков, они будут в безвыходном положении. В прошлом году все посевные поля текинцев были вытравлены шахскими войсками. Если и на этот раз поступить так же, то они либо подчинятся нам, либо же уйдут в Хиву».

Абду-л-Али-хан ратовал за нападение на текинское укрепление. Хазрат-ул-Молк, Юсуф-хан хезари и др. выступили против этого. В конце концов пришли к решению — атаковать текинцев.

Вопросы покупки хлеба у иолотанских туркмен- салыров обсуждались долго. Общее количество хлеба — 2 тыс. харваров, каждый харвар стоит 4 тумана, всего 8 тыс. туманов. Эта сумма передана Абду-л-Али- хан сертибу, чтобы идти в крепость салыров за хлебом. Каждое подразделение должно было идти со своим гужевым скотом, погрузить и привезти к месту его расположения. Но было известно и то, что этих денег не хватит даже на 2 тыс. харваров хлеба. Таким образом, каждому полку надо было 100 харваров хлеба, но и этого было недостаточно. Остальные солдаты, которым не досталось хлеба, вынуждены были покупать его на свои деньги. Абду-л-Али-хан сертиб с 8 арбами при пушках и с 200-300 людьми с каждого подразделения и с несколькими салырскими туркменами направился в сторону крепости. Многие [47] из этих салыров были сторонниками текинцев, которых они заранее оповестили об опасности. Те должны были разгромить войско Абду-л-Али-хана.

На следующий день приехали 1000 конных текинцев и окружили их. Салыры тоже до прихода текинцев угнали к себе добычу и начали атаковать. Абду-л-Али-хан сертиб, увидев такое положение, приказал солдатам отразить нападение туркмен и арестовал всех туркмен, находившихся среди войска. Отразив туркмен, отступили в сторону Мерва. Когда подошли к Мервской крепости, вновь столкнулись с туркменами, из которых 30 человек попали в плен. Салыры бежали в сторону Пенждех. Салыры, которые были арестованы в крепости и находились в плену, по просьбе сарыков, заступившихся за них, были помилованы в пути. В конце концов иранцы прощали их и отпускали.

VIII ЧАСТЬ

После этих событий большое войско двинулось в сторону текинского укрепления. Собрав несколько харваров хлеба, 25-го числа месяца сафара 15 полков с 24 арбами пушек, с азербайджанскими и иранскими конными, выйдя из крепости Мерва, приостановились и выстроились для марша. Для защиты крепости оставался Ага Реза-хан Аждан-баши, в распоряжении которого были и полки Хоя и Дамгана, в том числе Казвинские наемные конные и конные из г. Джама. На следующий день, 26-го сафара, орда от Мервской крепости направилась в сторону текинского укрепления. Проехали 1 фарсах и достигли упомянутого Семендуке, где остановились на привал. Через день, 27-го сафара, отсюда направились от Хангечена к текинскому управлению. Не успели проехать всего полфарсаха, как путь отрезали около 800 текинских всадников. Но их Могаллебал Хакан прогнал выстрелом из пушки. Орда проехала 1 фарсах и остановилась, не дойдя полфарсаха до текинского укрепления. Текинцы, видя свое положение, решили вести переговоры. Они отправили Сафарек-хана с некоторыми текинцами, которые раньше были в плену у персов. Текинцы готовы были подчиниться, но со своими условиями. Текинские сердары, прежде находившиеся в дружеских отношениях с Мамед Хасан-ханом и Навваб Хесам-эл-Салтане, говорили, что согласны на [48] перемирие, готовы на подарки или выставить несколько семей заложников от текинцев. Мы не будем заниматься грабежами на Хорасанской дороге, лишь бы помириться с вами, мы на все готовы. При необходимости будем предоставлять нукеров (солдат), конных и пеших. Однако Мервский вилает с давних времен был нашим и должен быть за нами. Мы будем жить здесь. Мы дайте не против проживания сарыков на этой территории. Еще мы готовы даже сарыкам предоставить отдельные места в Мервском оазисе. Мы с ними будем жить дружно.

Военачальники орды говорили, что этим словам теке не следует верить. Они не держат своих слов, только хотят укрепить свое положение. И заявление (ариза) не удовлетворило Хасан-хана. Они 2 дня приезжали к Хасан-хану и настоятельно просили перемирия. Навваб Хишмат-эд-Довле 27-го сафара, взяв с каждого полка 500 солдат и 15 арб с пушками, с несколькими конными (всего 4 тыс. человек) двинулся вперед в целях разведки положения туркмен. Другой его целью являлся ремонт дороги в пути прохода войска. Каждому полку выделил по одной пушке; их расставили на расстоянии в 4 тыс. шагов. Туркмены говорили, что орда, согласно договору, должна стоять на прежнем месте. Поэтому следует дать приказ, чтобы она отошла назад и только после этого будем подписывать договор о перемирии.

Командующий артиллерией Навваб Джахансуз Мирза, Султан Хусейин Мирза были там наготове. Они говорили: «Пусть приедут туркменские аксакалы, мы будем подписывать здесь договор о перемирии». Со

времени ухода туркмен за своими аксакалами прошло полчаса. Сертиб туп хане, Навваб Джахансуз Мирза и др. также говорили, что это хитрая уловка туркмен. На другом берегу р. Шахт собрались туркменские мужчины и женщины, чтобы полюбоваться ордой. Военачальники хотели их вспугнуть, давали залпы из пушек, били в барабаны, приблизительно в течение получаса выстрелили 800 раз из пушек. Остальным частям войска был дан приказ о движении на 4 тыс. шагов. В 4 часа ночи они соединились с авангардом войска. Туркмены выстроили укрепления приблизительно в 15 гязов (сажен), имея 2 арбы с пушками, когда-то завоеванные у войска Хивинского хана. Они [49] стреляли 25 раз в иранских солдат, но с их стороны потерь не было. С иранской стороны выстрелили из пушки, убившей самое большее 4-5 человек. 1-2 дня обе стороны не воевали. Текинцы пришли к мнению об уничтожении слабой гаджарской армии. С безграничной храбростью и смелостью туркмены начали окружать войско. Бой длился 4-5 часов, войско даже на это не обращало внимания. Туркмены возвратились восвояси. Следующий день прошел так же, как и предыдущий.

2-го числа месяца раби ал-аввала Навваб Хишмат-эд-Довле с другими полководцами начали обсуждать план войны. Они решили возводить укрепление в так называемом местечке Джейран-тепе, что в 2 тыс. шагах от текинского укрепления, с помощью лопат, досок и др. Об этом было объявлено по всем полкам войска. Пришли к выводу, что отсюда следует обстреливать текинское укрепление. Надо стрелять снарядами до тех пор, пока не будут вынуждены подчиняться государю. Кавам-эд-Довле и др. полководцы направились для возведения укрепления. Туркмены увидели людей, оторвавшихся от главных сил. Приблизительно 7-8 тыс. ополченцев, выйдя из укрепления, направились к нам. Тут произошла сильная стычка. Афшар и фераханские полки, намереваясь захватить Джейран-тепе, соперничали между собой. Первым вырвался вперед афшарский полк, а за ним с кличем «О, Али!» — и фераханский. Из-за жары, после 1500 шагов движения все потеряли силы. Туркмены дожидались их в траншее и внезапным нападением ранили и убили около 70 солдат. Сербазы, увидев такое положение, помчались в сторону главных сил войска. Туркмены опять воспользовались моментом и ранили и убили 30-40 человек. За ними и фераханский полк тоже бежал в сторону войска. Здесь и был убит Мухаммет Хасан-хан: его конь завяз в болоте и в тот момент, когда он свалился, Мухаммет Хасан-хану отрубили голову. Туркмены не узнали и убили его. Так начался ожесточенный бой. Персы стреляли из пушек 1500 раз, туркмены — 200 раз. На своем веку я не видел такого сражения, дрались даже кулаками. Бой длился до заката солнца, переходя иногда в кулачный. В этот день 1000 человек было убито, многие попали в плен или были ранены. Потом всем стало известно, что в этом бою [50] пропал без вести покойный Хасан-хан. Через несколько дней, 3-го числа месяца раби-ал-аввал, было доложено, что он убит в сражении с туркменами.

В этот же день 2 полкам гераи и 16 полкам шакаки было поручено строить укрепление на том же Джейран-тепе. Когда они доехали до Джейран-тепе, их атаковали туркмены. Половина иранских войск сражалась, а остальные начали возводить укрепления. Туркмены возвратились обратно, а иранские полки остались. Они находились там даже до поражения гаджарских войск. Орда не обращала никакого внимания, существует этот полк или нет. Туркмены участвовали на них свои атаки. Хишмат Довле изредка стрелял из пушек и этим утешал только себя. Если сказать правду, то после убийства Мухаммет Хасан-хана все полки пали духом и потеряли боевое настроение. Туркмены, наоборот, с каждым днем дрались с новыми силами. Шахские войска были охвачены страхом.

Среди военачальников начались споры и ссоры — следует ли возводить еще одно укрепление или лучше возвратиться в Мервскую крепость? Этот спор затянулся. Туркмены день за днем ожесточали свои атаки. В

ходе военных действий каждые 2 дня приходилось идти за травой для скота. Тогда тоже многих убивали. Некоторые офицеры наотрез отказывались идти за фуражом, заявляя «Пусть отрубят мне голову — не пойду». На 9-й день кончилась трава для коней артиллерийского полка. В это время прибыло распоряжение от Хишмат-эд-Довле к Нусратул Молку, предписывающее комплектовать из каждого полка 5 пушек и 200 сарбазов, поскольку до того во главе с Юсуф-ханом было комплектовано 500 человек из каждого полка для привоза продовольствия из Мервской крепости. Таким образом, из каждого полка осталось не более 250 человек. Хоодад-хан отказался идти с солдатами для сбора травы. Другие офицеры стали его уговаривать, но он не соглашался. Наконец Керим Султан, Мугатдам Султан с 5 пушками и солдатами вышли из укрепления. Туркмены скрывались именно в том месте, где много травы и камышей. Собиратели травы устремились прямо туда, где их ждали туркмены. Когда войско доехало к тому месту, где скрывались туркмены, произошло сильное столкновение. Многих из тех солдат взяли в плен, многих [51] убили. 100 человек были из полкой ардебила и мишкила, большинство из них сержанты и младшие офицерские составы, из них убито 40 человек. Туркменам достался трофей — 2 пушки. Орда собралась отступить; но 3-4 тыс. ополченцев-туркмен постоянно наблюдали за малейшим нашим движением. Каждый день они брали в плен 5-10 солдат. Многие офицеры выступали за возвращение орды, а некоторые против этого.

17-го числа месяца раби-ал-аввал орда (войско) должна была возвращаться. Заранее было объявлено о необходимости погрузки всех вещей и быть наготове. За 2 часа до рассвета, когда орда начала выходить строем, туркмены ворвались прямо в авангард войска, завязав ожесточенный бой. В течение 6 часов ни откуда не было помощи, хотя все сражались против туркмен. Таким образом, персидская армия в этом бою была разбита туркменами. Они жгли боеприпасы, убивали людей и брали в плен. Кто спасся от сабель туркмен, собрались у Мазара-тепе. Но все имущество, боеприпасы, обозы, даже все пушки остались в руках туркмен. Навваб Хишмет Довле и Кавам-эд-Довле советовали не оставаться здесь и направились в сторону Мерва. После убийства Носрот-ул Молка и пленения сертиба артиллерии все разбежались в разные стороны. Туркмены преследовали их до так называемой крепости Геок-тепе. Большинство уцелевших достигло Мервской крепости. Навваб Хишмат-эд-Довле и некоторые офицеры после приезда в Мервскую крепость намеревались возвращаться в Хорасан. Но об этом никому не говорили. Они пригласили к себе Юсуф-хан илбеги хезара и Мир Атаулла-хан Теймури и дали указание, что они должны покинуть крепость со своими конными. «Мы, — говорили они, — догоним вас в пути. По Келранской дороге вы проводите нас до Мешхеда». Они согласились. Командующий войсками, узнав о положении дел, явился к Хишмет Довле и Кавам-эд-Довле и сообщил, «что здесь есть 14 пушек с арбой и мы с вами бежим вместе». Они (военачальники) говорили: «Никому не говори, что ты пойдешь с нами». Но он поступил иначе. Собрал всех солдат и сообщил, что шахзаде и Кавам-эд-Довле нет с нами, они бежали и вы тоже спасайте свои шкуры. Хишмет Довле, установив пушки на арбах, выехал со своими нукерами. Оставшихся охватила паника и не [52] осталось никакого порядка. Коней, возивших пушки, распрягали, пересаживались на них и спасались. Командующий и Аждан баши сообщили о событиях Хишмет Довле, но он их не слушал и за одну ночь проскакал 15 фарсахов. Приближенный шаха Касем-хан сертиб, Хасан Али-хан сертиб, Рахматулла-хан серхенг и др. оставшиеся позади, не смогли этой ночью догнать офицеров и главнокомандующих, скакавших впереди.

На следующий день группы, отступившие первыми, проехали 15 фарсахов, затем еще 5 фарсахов и доехали до перекрестка. Здесь одна дорога идет через безводные пески до места Келле-бурган, протянувшись на 18 фарсахов в сторону Хишматабада и Серахса, вторая — отделяется к сарыкским местам Пендждех. Навваб Хишмет Довле и господин Кавам-эд-Довле решили идти по безводной дороге. Но Юсуф-хан илбеги хезараец возражал: «Как можно допустить гибель от жажды 10-15 тыс. человек в безводной пустыне. Кто хочет идти по

этой дороге, пусть идет, я же не разрешу своим всадникам идти по этому пути». После подобных споров они остались здесь на один день, так что отставшие офицеры и сарбазы успели к ним присоединиться. Они направились в сторону Пенждех.

Текинцы в 400-500 всадников преследовали отставших позади нукеров и грабили их в пути до тех пор, пока они не присоединились к впереди идущим частям. Следует честно признать, что у этого войска не было продуктов. Солдаты, заглушая голод, ели верблюжье мясо, конину. Они наивно думали, что в Пенждехе сарыки будут служить им и накормят свежими продуктами. У Навваб Хишмет Довле и Кавам-эд-Довле и др. офицеров были хорошие кони и они быстро ускакали от нападения сарыков. Тех же, кто остался пешим, туркмены брали в плен по 5-6 человек ежедневно. Таким образом, на третий день 400-500 конных сарыков начали воевать с нами. Мы под руководством Юсуф-хан хезари защищались и открыли себе дорогу. Многие сарыки утонули в р. Шахт. Нескольких взяли в плен. В этом же месте по советам шахзаде и Кавам-эд-Довле освободили пленных сарыков, дали подарки и направили их к кетхудам с известием: «Мы с вами вместе служили Иранскому государству, почему вы нынче из-за пустяков не хотите жить с нами дружно? Когда войска шаха в трудном положении, вы должны [53] помогать. Где ваше бывшее гостеприимство? Если вы будете честно служить, государь этого не забудет. В следующем году прибудем с войсками и выделим вам земли в Мервском оазисе». На следующий день, когда до Пенждеха осталось всего 2 фарсаха, (нас) встретили сарыкские аксакалы, просили извинения из-за допущенного проступка, вернули пленных с выражением покорности Ирану. Наша орда остановилась в одном фарсах от Ташкепри, чтобы запастись продуктами с близкого расстояния. Сарыки привозили продукты и продавали дорого, но солдаты вынуждены были покупать. Войско задержалось здесь на 2 дня, чтобы отдохнуть, а сарыки им служили по мере своих возможностей.

24-го числа месяца раби-эл-аввал один сарбаз (солдат) поссорился с сарыком из-за цены на ординском (войсковом) базаре. Сарбаз прицелился из ружья, а туркмен схватился за саблю. На шум пришли 2-3 солдата и от туркмен пришло несколько человек. Сарбазы крикнули: «Туркмен гелды» (пришли туркмены). Из-за этого по всему базару началась паника. Этот слух дошел и до орды. Там подумали, что на самом деле прибыли туркмены (текинцы). Все сели на коней и помчались в сторону песков, оставив скот и вещи. В ту ночь солдаты, конные и пешие, босиком прошли 4 фарсаха. Никто ни о ком ничего не знал, каждому была дорога своя жизнь. Никто не стал проверять, правда ли это было или вымысел — было не до этого. Увидев такое положение, туркмены-сарыки, собрав тысячу конных и пеших ополченцев, пошли по следам орды. Преследовали до гератского Батхиза Чеменебида. Приблизительно 2500 человек попали в плен. Положение сарбазов и офицеров стало еще хуже. На протяжении 40 фарсахов между Пенждехом и Гератом они ели конину, верблюжье мясо, кабанов, а вместо воды пили верблюжью и лошадиную кровь. Приблизительно 200 человек погибли в пустыне от голода. Кому удалось спастись от сабли текинцев и сарыков, в тяжелом положении добрались до Герата. Остались на ночлег в так называемом месте Хекибан. Отдохнув 4-5 дней, направились в сторону Мешхеда.

После этого события прошло два месяца, но пока еще солдаты, оставшиеся в пустыне, не добрались до иранской земли. [54]

Эта краткая история Мервского похода написана в назидание вышестоящим государственным чиновникам. Если кто-нибудь взялся бы изложить это происшествие более пространно, то получилось бы несколько томов. Этот документ был написан на скорую руку в месяц джумади-ал ахира в тюркский год обезьяны (биджин) 1277 г. х. в г. Мешхед.

Пусть шах соизволит принять этот маленький рассказ, написанный мной, если это будет угодно Аллаху.

Пусть Аллах хранит нас под своим покровительством, если это Ему угодно.

Переписал Сеид Мухаммед Али-ал-Хусейни в год рыбы 1298 год хиджры (1881 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После смерти Мухаммед-шаха в 1848 г., до воцарения в октябре нового шаха Насер-эд-Дина, в Тегеране и провинциях среди властей возникло замешательство. В Хорасане, Исфагане, Кермане, Ширазе и Йезде происходили выступления против губернаторов. Губернатор Мазендарана и его приближенные выехали в Тегеран, чтобы определить свое положение при новом шахе. В области остались только местные правители городов и уездов, которые тоже чувствовали себя непрочны.

Бабиды решили воспользоваться сложившейся обстановкой и попытались осуществить свои идеи. В октябре в Барфоруше они имели уже около 700 сторонников и открыто вооружались. После стычек с отрядами местных ханов бабиды оставили Барфоруш и расположились в лесу у гробницы Шейх-Табареи примерно в 20 км к юго-востоку от Барфоруша. Решив обосноваться здесь на длительное время, они выстроили крепость и развернули свою пропаганду среди крестьян. Вскоре здесь собралось около 2 тыс. человек, в основном крестьяне и ремесленники, не только окрестных деревень, но и других областей Ирана. Руководители бабидов — молла Мухаммед Али Барфорушский и молла Хосейн Башруйе 1 — пытались ликвидировать здесь частную собственность и осуществить общность имущества и равенство людей. Все имущество было объявлено общим достоянием, [55] распределением его ведали специально выделенные для этого бабиды. Питались бабиды из общего котла.

Разгром бабидского восстания в 1850 г. и неудача реформы Амир Низам а ослабили Иран, создав благоприятные условия для дальнейшего проникновения иностранного капитала и превращения Ирана в полуколонию.

Феодальная аристократия, целиком сохранившая власть в своих руках, вела борьбу не только с народными массами, но даже и с теми слоями господствующего класса, которые выступали за проведение реформ и за ограничение иностранного влияния в стране. Имея требования народа с одной стороны и прогрессивных элементов господствующего класса — с другой, шах и феодальная аристократия соглашались, однако, удовлетворить только требования иностранных держав. Так, уже в начале второй половины XIX в. наметился

направленный против народных масс союз феодалов с иностранными государствами, окончательно сформировавшийся к началу XX в.

Из иностранных держав в Иране особенно усиливали свое влияние Англия и царская Россия. При этом англо-русское соперничество обострялось все больше, охватывая не только Иран, но и другие страны Ближнего и Среднего Востока (Турцию, Афганистан), свидетельством чего является Крымская война 1853-1856 гг.

В этих условиях вопрос о Герате, рассматривающийся англичанами как ключ к Афганистану и северо-западным проходам в Индию, продолжал весьма занимать Англию. Вступая в эту войну, Англия стремилась подчинить Турцию, установить свой контроль над Черноморским бассейном, а также вытеснить Россию с Кавказа, Закавказья и из Закаспийской области. Прикрываясь разговорами о необходимости обороны Индии, которой на деле никто не угрожал, англичане также пытались подчинить Иран, Хиву и Бухару, а Герат стремились использовать как плацдарм для наступления на Иран и Среднюю Азию.

Накануне и во время Крымской войны иранское правительство пыталось использовать политическую борьбу между Англией и Россией, чтобы укрепить свои позиции против растущей экспансии Англии. С этой [56] целью еще до начала войны, в июле 1853 г., Иран начал переговоры с Россией о заключении с ней военного союза. Однако вмешательство в переговоры Англии и Франции, а также нежелание России вступить в военный союз с Ираном не позволили заключить союз. В 1854 г. Иран официально объявил о своем нейтралитете в Крымской войне. Однако во время войны шах, воспользовавшись тем, что Англия была занята борьбой против России, повел наступление на Герат, чтобы не допустить захвата его эмиром Дост-Мухаммедом и англичанами. Попытки англичан всячески сорвать этот поход на этот раз были безуспешны, после чего англо-иранские отношения резко ухудшились. В конце 1855 г. в Тегеране английский посланник Мэррей объявил о разрыве дипломатических отношений между Англией и Ираном.

В начале 1856 г. иранские войска выступили из Мешхеда на Герат, который был осажден в мае этого же года. В октябре 1856 г. иранские войска взяли Герат. Почти одновременно англичане начали агрессивную войну против Ирана, которая была объявлена 1 ноября 1856 г. английскими властями в Индии. Английская эскадра появилась в Персидском заливе. 4 декабря англичане оккупировали остров Харг, а 10 декабря захватили порт Бушир. В феврале 1857 г. английские войска выступили из Бушира на Боразджан. Но после боя под Хумабом они вернулись обратно, так как было решено начать наступление в долине р. Карун. В конце марта 1857 г. после бомбардировки англичане захватили порт Мухаммеру (ныне Хорремшахр) и двинулись на судах вверх по р. Карун. 1 апреля они взяли г. Ахваз. Но в начале апреля было получено известие, что еще 4 марта 1857 г. в Париже был подписан англо-иранский мирный договор.

Англо-иранская война 1856-1857 гг. была составной частью той агрессивной колониальной политики, которую проводила в середине XIX в. Англия в Азии с целью подчинить Малую Азию, Кавказ, Иран, Афганистан, Среднеазиатские ханства, а также поставить в зависимое положение Китай («опиумные войны»). Поражение Ирана в войне с англичанами — результат экономической, политической и военной отсталости этой феодальной страны. Оно способствовало созданию условий для превращения Ирана в полуколонию, [57] что было тесно связано с перерастанием капитализма в высшую и последнюю стадию своего развития —

империализм. Крупные империалистические державы — Англия, США, Германия, Франция — начали борьбу за новый передел мира, и жертвами их империалистической политики стали отсталые восточные страны. Начало эпохи империализма было началом нового периода в истории Ирана и других восточных стран, началом нового периода их закабаления иностранным капиталом — превращения их в полуколонии.

Как уже указывалось, Иран ослаб, но, несмотря на это, в 50-х гг. начался новый этап борьбы за Мерв, борьбы между Хивой и Ираном, влияние которого в этот период усилилось. Иран начал действовать против Мерва и Серахса еще в 1850 г., когда в целях полной ликвидации «восстания» Салара был организован поход на Серахс и разграблены текинские стада. Вожди Серахса обратились за помощью к хивинскому хану, который прислал сюда 2000 всадников, что на некоторое время вынудило иранцев отступить из Серахса. Но как только войска Хивы ушли и текинцы были предоставлены сами себе, они пошли на примирение с Ираном. В 1851 г. между Хивой и Ираном произошел обмен посольствами. Иранскому послу было поручено выяснение и уточнение «туркменского вопроса». Он должен был определить позицию Хивы по отношению к туркменам Мерва и Серахса и попытаться получить согласие от хивинского хана на занятие Мерва Ираном. Переговоры эти остались безрезультатными. Даже в момент пребывания посла в Хиве не прекратились враждебные действия между Хивой и Ираном на туркменской территории 3.

Абдурахман Халифе, который в 20-х гг. XIX в. ревностно придерживался хивинской ориентации, теперь оказался ее упорнейшим врагом. Он обратился в Иран за помощью, послав своего сына Рахман Берды 4. В Мерв из Ирана на помощь сарыкам был направлен Аббас-Кули-хан Дерезезский, который до этого был 3 мес. правителем в Серахсе. Он явился в Мерв в сопровождении военной части в 150 человек. Однако вскоре умер и на его место был прислан его сын Бахадур-хан, приведший с собой отряд в 400 человек. С этого времени вплоть до 1855 г. в Мерве [58] находились иранские правители, которые покинули Мерв лишь вследствие начавшегося тут голода.

Конец 50-х гг. проходил в непрерывных и интенсивных нападениях текинцев на иранские владения. Одновременно действовали текинцы Ахала, Серахса и Мерва, которые сделали Мерв своей цитаделью. Здесь следует подробнее остановиться на битве, которая произошла в 1858 г. между иранским правителем Буджнурда Джафар Кули-ханом и объединенным туркменским войском.

В местности Мончук-Тепе, около Кара-Калы, Нур Берды-хан, объединившись с гокленами и иомутами, произвел внезапное нападение на войско Джафар Кули-хана. После упорной битвы Джафар Кули-хан, потерпев сильное поражение, вынужден был отступить, оставив на поле битвы имевшуюся у него пушку, которая досталась текинцам 5.

После поражения иранских войск в Кара-Кале в 1858 г. под начальством Джафар Кули-хана иранские правители подготовили новую карательную экспедицию с целью овладеть Мервом. В 1861 г. снаряжена военная экспедиция под начальством Хамзы Мирзы Эшмет Доуле 6. Цели этой экспедиции позволяют сделать вывод о чрезвычайно серьезных намерениях Ирана в отношении мервских текинцев. Но и в этом бою персидские войска проиграли. Громадное число иранцев было захвачено в плен, кроме того, в руки текинцев

попало большое количество военных трофеев⁷. Эта победа сделала текинцев полными хозяевами Мервского оазиса.

Победы туркмен над иранскими войсками под Кара-Калой и Мары положили конец попыткам Ирана захватить Ахал и Мургабский оазис. Но в то же время не прекращались нападения иранских феодалов на пограничные туркменские аулы. В свою очередь текинцы, иомуты, сарыки и другие туркмены совершали набеги на иранскую территорию. Непрерывные войны и набеги разоряли хозяйства, задерживали историческое развитие Туркменистана и стран Среднего Востока.

Текст воспроизведен по изданию: "Дженг-е-Мерв" как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад. Ылым. 1990